

- - [свт. Иоанн Златоуст](#)№13:
 - [Беседа 1](#)
 - [Беседа 2](#)
 - [Беседа 3](#)
 - [Беседа 4](#)
 - [Беседа 5](#)
 - [Беседа 6](#)
 - [Беседа 7](#)
 - [Беседа 8](#)
 - [Беседа 9](#)
 - [Беседа 10](#)
- [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

Введение

Беседа [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#)

**свт. Иоанн Златоуст
**

**Толкование на второе послание к
Тимофею¹**

Беседа 1

[2 Тим.1:1-2](#). Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, по обетованию жизни во Христе Иисусе, Тимофею, возлюбленному сыну: благодать, милость, мир от Бога Отца и Христа Иисуса, Господа нашего.

Побуждение и время написания. – Похвала Тимофею. – Человеку невозможно прожить без скорбей. – О милостыни.

1. Почему (апостол) пишет и второе послание к Тимофею? Прежде он говорил: «надеясь вскоре придти к тебе» ([1 Тим.3:14](#)), но это не исполнилось; поэтому он, вместо своего прибытия, чрез послание утешает его, может быть, скорбевшего как по этой причине, так и по случаю принятия им в то время (епископской) власти. Ведь как бы ни были велики мужи, принимающие бразды правления Церковью, но они затрудняются, будучи со всех сторон затопляемы большими волнами дел; особенно можно сказать это о тогдашнем времени, когда было начало проповеди, когда все было не возделано, все враждебно, все противодействовало. При том были ереси, порожденные иудейскими учителями, о чем (Павел) упоминал и в первом послании. Впрочем, не посланием только он утешает Тимофея, но и приглашает его к себе: «Постарайся, – говорит, – придти ко мне скоро» и: «Когда пойдешь, принеси книги, особенно кожаные» ([2 Тим.4:9, 13](#)).

Мне кажется, что это, послание написал он при конце своей жизни, потому что говорит: «Ибо я уже становлюсь жертвою», и еще: «При первом моем ответе никого не было со мною» ([2Тим.4:6, 16](#)). Устроив все это, он утешает Тимофея собственными искушениями и говорит: «Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, по обетованию жизни во Христе Иисусе». Тотчас, в самом начале, ободряет душу его. Не указывай мне, говорит, на здешние бедствия; они доставляют нам вечную жизнь, где нет ничего такого, где нет болезни, печали и воздыхания. Не для того, говорит, Бог сделал нас апостолами, чтобы мы только подвергались опасностям, но чтобы и умирали, чтобы претерпели и это. Но так как указание на свои бедствия не только не было утешением, но еще увеличивало скорбь, то он в самом же начале предлагает следующее утешение: «по обетованию жизни во Христе Иисусе». Если же она – обетование, то не ищи ее здесь, потому что «ибо если кто видит, то чего ему и надеяться» ([Рим.8:24](#)). «Тимофею возлюбленному сыну»; не просто: «сыну», но: «возлюбленному». Могут быть дети и нелюбимые; но ты не таков, говорит, и потому не просто

«сыном» я называю тебя, но сыном «возлюбленным». И галатийцев он называет чадами, однако скорбит о них: «Дети мои, – говорит, – для которых я снова в муках рождения» ([Гал.4:19](#)). Называя его возлюбленным, он свидетельствует о великой его добродетели. Каким образом? Когда любовь не от природы, то она – от добродетели. Родившиеся от нас бывают любезны нам не по своей добродетели только, но и по требованию природы; а возлюбленные по вере бывают такими не по чему иному, как по добродетели. И как может быть иначе, особенно у Павла, который ничего не делал по пристрастию? Кроме того, выражением: «возлюбленному сыну» он показывает, что сам не пришел к нему не потому, чтобы гневался на него, или презирал, или не одобрял его. «Благодать, милость, мир от Бога Отца и Христа Иисуса, Господа нашего». Чего желал прежде, того же и теперь желает ему. Заметь, как он в самом начале оправдывается пред ним, что сам не пришел для свидания с ним; ведь слова: «Доколе не приду» и еще: спешу «надеясь вскоре придти к тебе» ([1Тим.4:13](#), [3:14](#)) заставляли ожидать скорого его прибытия. В этом он тотчас же и оправдывается. Впрочем, не говорит вдруг о причине, почему не пришел, чтобы не слишком опечалить его, – причиною было то, что он задержан был кесарем, – но уже в конце, когда приглашал его к себе, открыл ее. В начале же не опечаливает его, а высказывает надежду видеться с ним: «и желаю видеть тебя», и: «Постарайся придти ко мне скоро» ([2Тим. 1:4](#), [4:9](#)).

Итак, в самом начале он ободряет Тимофея и в похвалу его продолжает: «Благодарю Бога, Которому служу от прародителей с чистою совестью, что непрестанно вспоминаю о тебе в молитвах моих днем и ночью, и желаю видеть тебя, вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости» ([2 Тим.1:3](#), [4](#)). «Благодарю Бога», – говорит, за то, что я помню о тебе, – так я люблю тебя. Это – знак чрезвычайной любви, когда кто любить так, что сам восхищается любовью. «Благодарю Бога – говорит, – Которому служу». Как? «От прародителей с чистою совестью»; совесть его не была запятнана. Впрочем, он здесь говорит о жизни и везде называет совестью жизнь. Иначе сказать: я не изменил тем благам, которых и прежде желал, по каким-либо человеческим побуждениям, даже и тогда, когда был гонителем. Потому он и сказал: «но помилован потому, что так поступал по неведению, в неверии» ([1 Тим. 1:13](#)), и как бы так говорит: не подозревай здесь неправого дела. Кстати он изображает свой нрав, чтобы достоверны были и слова его о любви. А смысл слов его следующий: я не лгу, не иное думаю, а иное говорю. Так он вынужден был хвалить себя и прежде, как видно из книги Деяний. Когда стали порицать

его, как возмутителя и нововводителя, то он говорит: Анания «сказал мне: Бог отцов наших предызбрал тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел Праведника и услышал глас из уст Его, потому что ты будешь Ему свидетелем пред всеми людьми о том, что ты видел и слышал» ([Деян.22:14, 15](#)). Так и здесь, чтобы не составилось о нем мнение, как о человеке, чуждом дружбы и совести и забывающем ближних, он справедливо, в похвалу себе, говорит: «непрестанно вспоминаю о тебе», и не просто, но: «в молитвах моих», т. е., это входит в мою молитву, во всякое время непрестанно я исполняю это, – именно это выражают слова: «День и ночь молю Бога, желая видеть тебя». Видишь ли пламенную привязанность? Видишь ли преизбыток любви? Видишь ли его смиренномудрие, по которому он оправдывается пред учеником? Потом показывает, что делает это не просто и не без причины; показал и выше, показывает и здесь: «вспоминая, – говорит, – о слезах твоих». Разлучаясь (с Павлом), он, вероятно, плакал и рыдал больше, дитяти, отнимаемого от сосцов кормилицы и молока. «Дабы мне исполниться радости, – говорит, – желаю видеть тебя». Если бы я был даже крайне бесчувствен, жесток и бесчеловечен, и тогда не отказал бы себе в этом удовольствии, – потому что припоминаемые мною слезы твои могли бы смягчить меня. Но я не из числа таких; я чисто служу Богу. Многие причины влекли меня к тебе. Итак, Тимофей плакал. Далее Павел приводит и другую утешительную причину: «приводя на память, – говорит, – нелицемерную веру твою» ([2 Тим.1:5](#)).

2. Далее следует другая похвала в том, что (Тимофей) был не из язычников и не из неверных, но из такого дома, который издавна служил Христу. «Которая прежде обитала, – говорит, – в бабке твоей Лоиде и матери твоей Евнике». «Которого мать была Иудеянка уверовавшая» ([Деян.16:1](#)). Как иудеянки? Как верной? Она была не из язычников. Но ради отца его, который был эллин и ради иудеев, бывших в тех местах, (Павел) взял и обрезал его ([Деян.16:3](#)). Видишь ли, как начал разрушаться закон, когда были такие смещения? Смотри, сколько он предложил доказательств для убеждения, что не презирал (Тимофея). Я служу, говорит, Богу; имею чистую совесть; ты плачешь. И не за слезы только (желаю видеть тебя), но и за веру, так как ты служитель истины, и нет в тебе лицемерия. Если же и ты достоин быть любимым, как сильно любящий меня истинный ученик Христов, и я не из числа, людей, чуждых любви, но ревнующих об истине, то что могло воспрепятствовать мне придти к тебе? «Уверен, что она и в тебе». Издавна, говорит, ты имеешь это благо; от прародителей ты принял нелицемерную веру. Доблести

предков, если мы подражаем им, принадлежат и нам; а если не подражаем, не имеют никакой силы, но еще служат к нашему осуждению. Поэтому он и прибавил: «Уверен, что она и в тебе»; не догадываюсь, говорит, но убежден и совершенно уверен. Если же не для чего-нибудь человеческого ты принял ее, то ничто не может поколебать тебя. «По сей причине напоминаю тебе возгревать дар Божий, который в тебе через мое рукоположение» (2 Тим.1:6). Видишь ли, как он выражает, что (Тимофей) был в великой скорби, в унынии? Он как бы так говорит: не подумай, что я презираю тебя; знай, что я не презираю и не забыл тебя; если не кого другого, то вспомни свою бабушку и мать. Я знаю, что ты имеешь нелицемерную веру, и потому напоминаю: тебе нужно иметь ревность, чтобы воспламенять дар Божий. Как огонь требует дров, так и благодать – нашего усердия, чтобы она воспламенялась. «Напоминаю тебе возгревать дар Божий, который в тебе через мое рукоположение», т. е. благодать Духа, которую ты принял для предстоятельства в Церкви, для знамений и всякого служения, потому что от нас зависит и погашать и воспламенять ее. Поэтому и в другом месте он говорит: «Духа не угашайте» (1 Сол.5:19). От беспечности и лени он угасает, от внимания и усердия воспламеняется; он есть в тебе; но ты доставляй ему больше силы, т. е. исполняй его крепости, радости, веселья; стой мужественно. «Ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви и целомудрия» (2 Тим.1:7), т. е. не для того мы получили дух, чтобы сокрушаться, но чтобы иметь дерзновение. Многим Бог дает и дух страха, например, на войне, как читается в книгах Царств. «Да нападет, – говорит (Писание), – на них страх и ужас» (Исх.15:16), т. е. Бог вложил в них страх. Напротив, тебе Он даровал дух силы и любви к Нему. Следовательно, и это от благодати, впрочем, не просто от благодати, но если и мы наперед исполним зависящее от нас, так как что побуждает нас взывать: «Авва Отче» (Рим.8:15), то же самое внушает нам и любовь к Нему и ближним, чтобы мы любили друг друга. Любовь происходит от силы и безбоязненности; и обыкновенно, ничто столько не разрушает любви, как страх и подозрение предательства. «Ибо дал нам Бог, – говорит, – духа не боязни, но силы и любви и целомудрия». Целомудрием он называет или здравие ума и души, или то, чтобы мы жили целомудренно, и старается вразумить нас и отклонить от невоздержания, хотя бы случилось какое-нибудь бедствие. Итак, не будем скорбеть, подвергаясь, бедствиям; в этом состоит целомудрие. «Не смущайся, – говорит (Премудрый), – во время посещения» (Сир. 2:2). Многие имеют много домашних скорбей; скорби общи всем нам, только причины их различны: один терпит скорбь от жены, другой от сына, иной от слуги, тот от друга, этот от врага, тот от

соседа, этот от убытков; бывает много разных причин скорбей. Вообще невозможно найти человека, который был бы свободен от горестей и скорбей; всякий испытывает скорби больше или меньше. Итак, не будем унывать и думать, будто мы только одни терпим скорбь.

3. Нет человека, который, проводя эту изменчивую жизнь, был бы без горестей; если не сегодня, то завтра, если не завтра, то после, горести приходят. Как плавающему невозможно быть без тревог, разумею плавающего по великому морю, так и живущему в этой жизни невозможно быть без скорбей, хотя бы он был и богатым. Потому самому, что он богат, у него много поводов к неприятностям. Представь даже самого царя; и он зависит от многого и не все делает по своему желанию, но часто делает угодное другим против своей воли, и вообще он чаще всех поступает не так, как хочет. Почему? Потому что есть много людей, которые хотят получить что-нибудь из принадлежащего ему. Представь же, какую великую чувствует он скорбь, когда хочет сделать что-нибудь и не может или из опасения, или из подозрения, или из-за врагов, или из-за друзей? Часто, когда он и решится исполнить какое-нибудь из своих желаний, все удовольствие от совершения дела теряется вследствие сопротивления многих недовольных им.

Что же? Ты думаешь, что люди, проводящие жизнь без трудов, свободны от скорбей? Нет. Как невозможно человеку не испытать смерти, так и – прожить без скорбей. Сколько приходится им терпеть таких неприятностей, которых невозможно выразить словом, но которые могут испытывать только они одни! Как часто просили себе смерти, жившие среди богатства и роскоши! Жить роскошно отнюдь не значит жить без горестей; напротив, самая роскошь рождает бесчисленные горести, болезни, неудовольствия; а если и нет этого, (то живущий в роскоши часто грустит) без всякой причины. Действительно, когда душа находится в таком состоянии, то может грустить и без причины. Врачи говорят, что и от слабости желудка происходят немалые скорби. Не случается ли этого и с нами, когда мы скорбим и не знаем причины грусти? Вообще, невозможно найти человека без скорби. Если же у других не столь важна причина скорби, как у нас, то каждый и из них, однако так же думает, – свое горе более чувствительно, нежели чужое. Как те, у кого болит какая-нибудь часть тела, думают, что их страдание сильнее страданий ближнего, – у кого, например, болит глаз, тот полагает, что нет другой такой боли, какая у него, или у кого болит желудок, тот считает свою боль сильнее всех болей, и всякий, чем страдает, то и считает самым мучительным страданием, – так и в скорбях душевных: каждый то горе, которое

постигло его, называет самым тяжелым, потому что судит о нем по собственному опыту. Например, не имеющий детей думает, что нет ничего хуже бездетности; а имеющий много детей, при бедности, ни на что так не жалуется, как на многосемейность; имеющий одного сына полагает, что нет ничего хуже, как иметь одного: от этого, говорит, он и ленив, и огорчает своего отца, и не принимает никаких внушений, оставаясь, впрочем, постоянно любимым сыном; имеющий красивую жену говорит, что нет ничего хуже, как иметь жену красивую, потому что в этом случае бывает много подозрения и козней; а имеющий некрасивую жену говорит, что нет ничего хуже, как иметь жену некрасивую, потому что это весьма неприятно. Частный человек говорит, что нет ничего негодное и ниже такой жизни, а военный утверждает, что нет ничего труднее и опаснее военного звания, что лучше питаться одним хлебом и водою, нежели переносить такие тягости. Начальствующий говорит, что нет ничего тяжелее, как удовлетворять нуждам других, а подчиненный утверждает, что нет ничего унижительнее, как подчиняться власти других. Женившийся говорит, что нет ничего хуже, как иметь жену и соединенные с нею заботы, а не женившийся утверждает, что нет ничего хуже, как быть неженатым, – не имеешь ни дома, ни покоя. Купец называет счастливым земледельца за его спокойствие, а земледелец – купца за его богатство. Вообще род человеческий ничем не доволен, всегда жалуется и огорчается. Осуждая всех людей, говорят, что человек есть ничто, и что весь род человеческий есть вьючное и жалкое животное. Сколько таких, которые прославляют старость! Сколько таких, которые считают блаженством юность! Таким образом, много бывает горестей и от возрастов жизни. Когда мы видим, что нас осуждают за молодость, то говорим: зачем мы не старцы? А когда голова покрывается сединою, то говорим: где наша молодость? Вообще, у нас бесчисленное множество поводов к скорбям. Один только есть путь, избавляющей от этой несообразности, – путь добродетели. И он, конечно, не чужд горестей, но горестей не напрасных, а приносящих благо и пользу. Иной согрешил и, сокрушаясь скорбью, омывает грехи свои; другой оказывает сострадание падшему брату, и в этом также находить себе немалую награду, потому что сострадание к людям, находящимся в несчастье, доставляет нам великое дерзновение пред Богом.

4. Послушай, как мудро Священное Писание говорит об Иове; послушай, что говорит Павел: «плачьте с плачущими»; и еще: «последуйте смиренным» ([Рим.12:15, 16](#)). Участие в горестях других весьма сильно облегчает скорби: как содействие тому, кто один несет тяжесть, облегчает

его бремя, так и во всем прочем. Между тем ныне, когда кто из наших ближних умирает, – многие окружают его, многие утешают близких к нему; и осла упавшего мы часто поднимаем; а когда падают души наших братьев, – мы не обращаем внимания и думаем о них меньше, нежели об осле. Видя, что кто-нибудь бесстыдно входит в харчевню, мы не удерживаем его; напивается ли он или совершает какое-нибудь другое бесчинство, мы не только не препятствуем, но еще сами принимаем в том участие. Поэтому Павел и говорил: «однако не только их делают, но и делающих одобряют» ([Рим.1:32](#)); и многие составляют товарищества для гулянья и пьянства. Составляй, человек, товарищества для того, чтобы истреблять страсть к пьянству; такие товарищества благодетельны для узников, для находящихся в скорбях. Нечто подобное и Павел предписывал коринфянам, когда говорил: «чтобы не делать сборов, когда я приду» ([1 Кор.16:2](#)). Для пьянства, пированья и гулянья мы теперь делаем все – и общую постель, и общий стол, и общее вино, и общие издержки; а устроить общественную милостыню не думает никто. Во времена апостолов были такие товарищества, – тогда сносили в одно место все имущество; я же требую не всего, а какой-нибудь части. «В первый день недели, – говорит (Павел), – каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние» ([1 Кор.16:2](#)), как бы принося дань за семь дней, и слагая ее вместе, и таким образом подавая большую или меньшую милостыню. «И никто не должен являться, – говорит (Писание), – пред лице Господа с пустыми руками» ([Втор.16:16](#)). Если это было заповедано иудеям, то не тем ли более нам? Для того бедные и стоят у дверей, чтобы никто не входил «с пустыми руками», но вступал с милостынею. Тыходишь, чтобы получить себе милость: окажи же сам наперед милость. Кто приходит после, тот должен подать больше, потому что когда уже мы сделаем начало, то следующий должен положить больше. Сделай должником своим Бога, и потом проси Его; дай Ему в заем, и потом требуй, чтобы получить с прибытком. Бог хочет этого и не отвергает. Если ты просишь Его с милостынею, то Он благоволит к тебе; если просишь Его с милостынею, то даешь Ему в заем и получишь прибыль. Так, внушаю вам, не за воздеяние рук можно быть услышанным; простирай руки свои не к небу, а к рукам бедных. Если ты будешь простирать руки к рукам бедных, то достигнешь самой высоты неба, потому что там восседит Тот, Кто принимает милостыню; а если станешь воздевать руки без плода, то не получишь никакой пользы. Скажи мне: если бы пришел к тебе царь в порфире и стал просить тебя, то не отдал ли бы ты ему охотно всего своего имущества? Ныне же просит тебя

устами бедных царь не земной, а небесный, и ты стоишь, не обращая на Него внимания, и откладываешь подаяние. Какого ты достоин за это наказания? Подлинно, не за воздеяние рук и не за множество слов, но за дела можно быть услышанным. Послушай, что говорит пророк: «И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу» ([Ис.1:15](#)). У кого недостаток в милости, тому следовало бы молчать и не возводить очей к небу; а он еще осмеливается многоглагольствовать! Между тем, что говорит (пророк)? «Спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову» и «научитесь добро творить» ([Иса.1:17](#); [Псал.9:39](#)). Таким образом, мы можем быть услышаны, хотя бы и не воздевали рук наших, хотя бы ничего не говорили и ни о чем не просили. Будем же стараться об этом, чтобы нам сподобиться обетованных нам благ.

Беседа 2

[2 Тим.1:8–10](#). Итак, не стыдись свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника Его; но страдай с благовестием Христовым силою Бога, спасшего нас и призвавшего званием святым, не по делам нашим, но по Своему изволению и благодати, данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен, открывшейся же ныне явлением Спасителя нашего Иисуса Христа, разрушившего смерть и явившего жизнь и нетление через благовестие.

О делах божественных нельзя судить по соображениям человеческим. – Достоинство евхаристической жертвы зависит не от приносящего ее человека. – В евхаристии – истинное тело Христово.

1. Нет ничего хуже, как судить и измерять дела Божественные соображениями человеческими: таким образом можно далеко отпасть от камня веры и лишиться света. Если желающий обнять лучи солнца глазами человеческими не только не обнимет их и не достигнет цели, но еще отдалится от нее и потерпит великий вред, то тем более дерзающий протекать своими умствованиями в свет неприступный потерпит вред, оскорбляя дар Божий. Посмотри на Маркиона, Манеса, Валентина и на всех, вносивших другие еретические и пагубные учения в Церковь Божию, как они, измеряя дела Божии умствованиями человеческими, стыдились домостроительства нашего спасения. Между тем оно, – разумею крест Христов, – заслуживает не стыда, а великой хвалы. В самом деле, ничто не служит столь великим доказательством человеколюбия Божия, ни небо, ни море, ни земля, ни сотворение всего сущего из ничего, ни все прочее, как крест. Потому и Павел хвалится им: «А я, – говорит, – не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа» ([Гал.6:14](#)). Но люди душевные, приписывающее Богу не более, как людям, отпадают от веры и стыдятся ее. Потому (апостол), убеждая своего ученика, а чрез него и всех, говорит: «не стыдись свидетельства Господа нашего», т. е. не стыдись того, что ты проповедуешь Распятого, но и хвались. Хотя все эти предметы – смерть, темницы, узы – сами по себе достойны стыда и порицания, но здесь, если вникнуть в причину их и внимательно рассмотреть таинство, они достойны великой хвалы и великого почитания. Эта смерть спасла погибавшую вселенную; эта смерть соединила небо с землею; эта смерть разрушила власть дьявола, соделала людей ангелами и сынами Божиими; эта смерть возвела естество наше на престол царский; эти узы обратили

многих. «Не стыдись, – говорит, – свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника Его; но страдай с благовестием», т.е. хотя бы ты сам потерпел это, не стыдись. Что он выражает именно это, видно как из вышесказанных слов: «ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви и целомудрия» ([2 Тим.1:7](#)), так и из последующих. Итак, «не стыдись», говорит, – т.е. не просто стыдись, но: «не стыдись» и сам испытать. Не сказал: не бойся, не страшись, но сильнее ободряет его словом: «не стыдись», выражая, что опасность как бы не существует, если преодолеть стыд. Стыд тогда только и тягостен, когда он преодолевает нас. Итак, не стыдись, если я, воскрешающий мертвых, совершающий бесчисленные знамения, обтекший всю вселенную, теперь связан. Я связан не как злодей, но ради Распятого; если Владыка мой не постыдился креста, то и я не стыжусь уз. Хорошо он, желая убедить ученика своего не стыдиться, наперед напомнил ему о кресте. Если, говорит, ты не стыдишься креста, то не стыдись и уз; если Владыка наш и Учитель претерпел крест, тем более мы (можем претерпеть) узы; а кто стыдится того, что сам потерпел, тот стыдится и Распятого. Я, говорит, не за себя несу эти узы. Итак, не потерпи чего-нибудь человеческого, но будь общником в тех же страданиях. «Но страдай, – говорит, – с благовестием, не в том смысле, будто благовествование страдает, но он побуждает ученика страдать за евангелие. «Силою Бога, спасшего нас и призвавшего званием святым, не по делам нашим, но по Своему изволению и благодати, данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен». Так как, с другой стороны, сказать: пострадай – значило повергнуть ученика в тяжкую скорбь, то апостол опять утешает его, говоря: «не по делам нашим», т.е. не думай, что перенесешь это собственною силою, но – силою Божию; твое дело избрать и показать усердие, а облегчить и успокоить – дело Божие. Потом он представляет и доказательство силы Божией. Вспомни, говорит, как ты спасен, как ты призван; подобно как он говорит в другом месте: «действующею в нас силою» ([Еф.3:20](#)). Подлинно для того, чтобы убедить вселенную, нужно более силы, нежели сотворит небо. Как же он призван? «Званием, – говорит, – святым», т.е. Бог сделал святыми бывших грешников и врагов Его; и это не от нас, – «Божий дар» ([Еф.2:8](#)). Если же он и столь силен в призвании и столь благ, что делает это по благодати, а не по долгу, то не должно страшиться. Если и тогда, когда нужно было спасти нас, бывшим врагами Его, Он спас благодатью, то не тем ли более Он будет содействовать нам, когда увидит и нашу деятельность. «Не по делам нашим, – говорит, – но по Своему изволению», т.е. не по чьему-нибудь принуждению или совету, но по собственному изволению,

побуждаемый собственной Своей благодатью, Он спас нас: таков смысл слов: «по Своему изволению и благодати, данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен», т.е. безначально было предопределено – быть этому «во Христе Иисусе» Немаловажно и это, т.е., что Бог хотел этого искони, и, следовательно, не по раскаянию. Как же можно говорить, что Сын не вечен. Он и сам хотел этого от начала. «Данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен, открывшейся же ныне явлением Спасителя нашего Иисуса Христа, разрушившего смерть и явившего жизнь и нетление через благовестие» ([2 Тим.1:10](#)).

2. Видишь ли, какая сила, видишь ли, какой дар ниспослан нам не за дела наши, но чрез евангелие? Это – предмет нашей надежды. В теле Христовом то и другое (жизнь и нетление) уже было, а в нашем еще будет. Каким образом? «Через благовестие, для которого я поставлен проповедником и Апостолом и учителем язычников» ([2 Тим.1:11](#)). Для чего Павел так часто называет себя учителем языков? Чтобы внушить, – как я уже говорил, – что это должно быть близко и к язычникам. Итак, не огорчайся при мысли о моих страданиях; силы смерти сокрушены; я страдаю не как злодей, но для научения язычников. Вместе с тем учение его делается достоверным. «По сей причине, – говорит, – я и страдаю так; но не стыжусь. Ибо я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день» ([2 Тим.1:12](#)). «Но не стыжусь», – говорит. В самом деле, скажи мне, разве постыдны эти узы, разве постыдны эти страдания? Не стыдись же и ты. Видишь ли, как он преподает учение самым делом? Я страдаю, говорит, ввержен в темницу, терплю гонение.

«Ибо я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день.» Что значит: «залог»? Вера, проповедь. Сам предавший ее, говорит, сохранит ее неизменною. Я терплю все, чтобы это сокровище не было расхищено, и не стыжусь ничего, только бы оно сохранилось в целости. Или залогом называет верующих, которых Бог вверил ему, или он предал Богу. Вот ныне, говорит, предаю вас Господу, т. е., это не будет для меня бесполезно; и сам Тимофей представляет мне плод этого «залога». Видишь ли, как он даже не чувствует своих страданий в надежде на учеников? Таким и должно быть учителю; так должно заботиться об учениках, – должно считать их всем для себя. «Ибо теперь, – говорит он, – мы живы, когда вы стоите в Господе» ([1 Сол.3:8](#)); и еще: «Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли пред Господом нашим Иисусом Христом» ([1 Сол.2:19](#))? Видишь ли, как он заботится о благе учеников не менее своего собственного? Учители должны

превосходить плотских отцов, должны быть усерднее их. Но и дети должны питать любовь к ним.

«Повинуйтесь, – говорит он, – наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет» ([Евр.13:17](#)). Скажи же мне: почему, тогда как наставник твой подлежит такой опасной ответственности, ты не хочешь даже слушаться его, и при том – для твоей же пользы? Хотя бы все, касающееся его самого, было исправно, он беспокоится, пока все, касающееся и тебя, не будет исправно, и отдает двойной отчет. Представь, сколько ему надобно трудиться и заботиться о каждом из подчиненных. Какую же ты можешь воздать ему честь, какую услугу, которая была бы равносильна таким опасностям? Не можешь предложить ничего равного; ты еще не положил за него души своей, а он полагает за тебя душу свою. Если же он не положит ее здесь по требованию обстоятельств, то погубит ее там, – а ты не хочешь повиноваться ему даже в словах! Вот причина всех зол: исчезло должное повиновение начальствующим, нет ни стыда, ни страха. «Повинуйтесь, – говорит, – наставникам вашим и будьте покорны»; а ныне все извращено и ниспровергнуто. Говорю это не ради начальствующих, – какую пользу получают они от нашего почитания, если даже мы будем им в высшей степени послушны? – но для вашей собственной пользы. Уважают ли их, они не получают от того никакой пользы для себя в будущей жизни, но еще могут подвергнуться большему осуждению; оскорбляют ли их, они не потерпят от того никакого вреда в будущей жизни, но еще могут иметь более оправдания. Нет, для вас же самих я желаю, чтобы так было. Когда начальствующие уважаются подчиненными, то и это обращается против них, как напр. Илию Бог говорил: «избрал тебя из дома отца твоего» ([1 Цар.2:28](#)); а когда оскорбляют их, как, например, случилось с Самуилом, то Бог говорит: «ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня» ([1 Цар.8:7](#)). Так оскорбление служит им в пользу, а уважение в тягость. Итак, я говорю это не ради их, но ради вас самих. Кто почитает священника, тот будет почитать и Бога; а кто стал презирать священника, тот постепенно дойдет когда-нибудь и до оскорбления Бога. «Кто принимает вас, – сказал Господь, – принимает Меня» ([Мф.10:40](#)); священников Его, сказано в другом месте, имей в чести ([Числ.18:8](#)). Иудеи стали презирать Бога потому, что презирали Моисея, что бросали в него камни. Кто благоговеет пред священником, тот тем более будет благоговеть пред Богом. Хотя бы священник был нечестив, но Бог, видя, что ты из благоговения к Нему почитаешь даже недостойного чести, сам воздаст тебе награду. Если «кто принимает пророка, во имя пророка, – как говорит Господь, – получит

награду пророка» ([Мф.10:41](#)), то, конечно, получит награду и тот, кто уважает священника, слушается его и повинуется ему. Если в деле странноприимства, когда ты не знаешь, кого принимаешь к себе, ты получаешь такую награду, то тем более получишь, когда будешь повиноваться тому, кому повиноваться повелевает Господь. «На Моисеевом седалище, – сказал Он, – сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте» ([Мф.23:2, 3](#)). Разве ты не знаешь, что такое – священник? Он – ангел Господа. Разве свое говорит он? Если ты его презираешь, то презираешь не его, а рукоположившего его Бога. А откуда, скажешь, известно, что Бог рукоположил его? Но, если ты не имеешь убеждения в этом, то суетна твоя надежда; если Бог ничего не совершает чрез него, то ты ни крещения не имеешь, ни таин не причащаешься, ни благословений не получаешь, и, следовательно, ты – не христианин.

3. Что же, скажешь, неужели Бог рукополагает всех, даже и недостойных? Всех Бог не рукополагает, но чрез всех сам Он действует, – хотя бы они были и недостойными, – для спасения народа. Если для народа Он говорил чрез ослицу и Валаама, человека нечестивого ([Числ.22](#)), то тем более – чрез священника. Чего не делает Бог для нашего спасения? Чего не изрекает? Чрез кого не действует? Если Он действовал чрез Иуду и чрез тех пророков, которым говорит: «не знаю вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» ([Лк.13:27](#); [Мф.7:23](#)), и которые изгоняли злых духов, то тем более будет действовать чрез священников. Когда мы начинаем исследовать жизнь начальствующих, то хотим сами быть рукополагателями учителей, и таким образом извращается все, ноги становятся вверху, а голова внизу. Послушай Павла, который говорит: «Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судят другие люди» ([1 Кор.4:3](#)); и еще: «А ты что осуждаешь брата твоего» ([Рим.14:10](#))? Если же не должно осуждать брата, то тем более учителя. Если бы Бог повелел тебе это, то ты поступал бы хорошо, и грешил бы, не поступая так; но если напротив, то не будь дерзким и не выходи из своих пределов. На Аарона, когда сделан был телец, восстали Корей, Дафан и Авирон ([Числ.16](#)). Что же? Не погибли ли они? Каждый заботься о своих делах. Кто преподает неправое учение, того не слушай, хотя бы он был ангел; а если кто преподает правое учение, то смотри не на жизнь его, а на слова. Ты имеешь Павла, который научает тебя должному и делами и словами. Но, скажешь, священник не подает бедным и не хорошо управляет делами. Откуда тебе это известно? Прежде, нежели узнаешь достоверно, не порицай, бойся ответственности. Многие осуждают по подозрению.

Подражай твоему Владыке; послушай, что Он говорит: «сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю» ([Быт.18:21](#)). Если даже ты узнал, исследовал и видел, и тогда ожидай Судию, не предвосхищай себе права Христова; ему принадлежит право – судить, а не тебе; ты – последний раб, а не господин; ты – овца; не суди же пастыря, чтобы тебе не быть наказану и за то, в чем обвиняешь его. Но как же, скажешь, мне он говорит, а сам не делает? Не сам он говорит тебе, – если ты повинешься только ему, то не получишь награды, – тебе заповедует Христос. Что я говорю? Даже Павла не должно было бы слушаться, если бы он говорил что-нибудь от себя, что-нибудь человеческое, но должно слушаться его, как апостола, имеющего в себе Христа, который говорил чрез него. Не будем же судить чужие дела, а каждый свои; исследуй собственную жизнь. Но, скажешь, священник должен быть лучше меня. Почему? Потому, что он священник. Чего же он не имеет более, нежели ты? Трудов ли, опасностей, забот, или скорбей? Чем же он не лучше тебя, имея все это? Но если он и не лучше тебя, то для чего тебе, скажи мне, нужно губить себя самого? Слова твои происходят от гордости. Откуда ты знаешь, что он не лучше тебя? Он, скажешь, ворует и святотатствует. Откуда, человек, ты знаешь это? Зачем сам ты стремишься в пропасть? Когда кто-нибудь скажет тебе, что такой-то скрывает у себя царскую порфиру, то ты, хотя бы и знал это, затыкаешь уши, хотя бы и мог обличить его, тотчас отступаешь и показываешь вид, будто ничего не знаешь, не желая подвергаться лишней опасности; а здесь ты не только не отступаешь, но сам навлекаешь на себя лишнюю опасность. Подобные слова твои не безответственны; послушай, что говорит Христос: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда» ([Мф.12:36](#)). Во всяком случае, если ты считаешь себя лучше другого, и не воздыхаешь, не ударяешь себя в перси, не склоняешь головы, не подражаешь мытарю, то ты погубил себя, хотя бы ты был действительно лучше. Ты лучше другого? Молчи же, чтобы тебе остаться лучшим; а как скоро будешь говорить, то потеряешь все. Если будешь так думать о себе, то ты уже не таков; а если не будешь так думать, то приобретешь еще больше. Если такой грешник, исповедав грехи свои, вышел оправданным, то чего не приобретет тот, кто, не будучи столь грешным, сознает себя таким? Рассмотрим собственную жизнь. Ты не воруеть? Но ты грабишь, делаешь насилия, совершаешь бесчисленное множество других подобных дел. Говорю это не с тем, чтобы похвалить воровство; нет, я готов горько плакать, если действительно найдется такой человек, чему, впрочем, не верю. Насколько великий грех – святотатство, о том и сказать нельзя; но я

жалею вас, не хочу, чтобы ваши добродетели упразднились чрез осуждение других. Что, скажи мне, хуже мытаря? Верно было, что он был и мытарь и виновен во множестве преступлений, – и однако фарисею достаточно было сказать только: «не таков, как этот мытарь» ([Лк.18:11](#)), чтобы потерять все. А ты говоришь о священнике: я не таков, как этот святотатец, – и не теряешь ли всего? Я вынужден говорить это и опровергать подобные речи не потому, чтобы я так заботился о священниках, но потому, что боюсь за вас, как бы вы не упразднили своих добродетелей подобным самохвальством и осуждением других. Послушай увещание, которое преподает Павел: «Каждый да испытывает свое дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом» ([Гал.6:4](#)).

4. Скажи мне: если ты, получив рану, придешь в лечебницу, то неужели, вместо того, чтобы прикладывать лекарство и лечить раны, ты станешь узнавать о враче, имеет ли он рану, или не имеет? И если он имеет, то заботишься ли ты об этом? И потому, что он имеет ее, оставляешь ли ты свою рану без врачевания и говоришь ли: ему, как врачу, следовало быть здоровым, но так как он, будучи врачом, сам не здоров, то и я оставляю свою рану без врачевания? Так и здесь: если священник нехорош, будет ли это утешением для подчиненного? Нисколько. Он получит определенное наказание; получишь и ты должное и заслуженное. Учитель исполняет только службу. «И будут, – говорится, – все научены Богом» ([Ин.6:45](#)). «И уже не будут говорить: «познайте Господа», ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого» ([Иер.31:34](#)). Зачем же, скажешь, он председательствует? Для чего занимает такое место? Не будем, увещеваю вас, говорить худо об учителях, не будем рассуждать о них, чтобы не повредить самим себе; будем исследовать свои дела, и ни о ком не отзываться худо. Устыдимся того дня, в который он просветил нас крещением. В отце, хотя бы он имел бесчисленное множество слабостей, сын прикрывает все. «Не ищи славы, – говорит (Премудрый), – в бесчестии отца твоего, ибо не слава тебе бесчестие отца. Хотя бы он и оскудел разумом, имей снисхождение» ([Сир. 3:10, 13](#)). Если так говорится о плотских отцах, то тем более надобно сказать об отцах духовных. Устыдись: он каждый день служит тебе, предлагает чтение Писания, для тебя украшает дом Божий, для тебя бодрствует, за тебя молится, за тебя предстоит и ходатайствует пред Богом, за тебя творит прошения, для тебя совершает все свое служение. Этого устыдись, это представляй и подходи к нему со всяким благоговением. Он нехорош? Но, скажи мне, что из этого? И хороший разве сам сообщает тебе великие блага? Нет; все совершается по твоей вере. И праведный не принесет тебе никакой пользы, если ты –

неверующий; и нечестивый нисколько не повредит тебе, если ты – верующий. Бог действовал и чрез волов при кивоте, когда хотел спасти народ Свой (1 Цар.6). Разве жизнь священника, или добродетель его может совершить что-нибудь подобное? Дары Божии не таковы, чтобы они зависели от священнической добродетели; все происходит от благодати; дело священника – только отверзать уста, а все совершает Бог; священник же исполняет только видимые действия. Вспомни, какое расстояние между Иоанном и Иисусом; послушай, что говорить сам Иоанн: «мне надобно креститься от Тебя» (Мф.3:14), и еще «Я недостойн развязать ремень у обуви его» (Ин.1:27), – и однако, несмотря на такое расстояние (при крещении от него на Иисуса) сошел Дух, Которого не имел Иоанн. «И от полноты Его, – говорит Писание, – все мы приняли» (Ин.1:16). И, однако, Дух не сошел прежде, нежели совершенно было крещение; впрочем, и не Иоанн сделал то, что Он сошел. Для чего же так было? Чтобы ты знал, что священник совершает только видимые действия. Нет ни одного человека, который отстоял бы от другого так далеко, как Иоанн от Иисуса, – и однако Дух сошел на Него (при крещении от Иоанна), чтобы ты знал, что все устрояет Бог, что все совершает Бог.

Я хочу сказать нечто дивное, но вы не изумляйтесь и не смущайтесь. Что же такое? Приношение (в евхаристии) одно и то же, кто бы ни совершал его – Павел, или Петр; оно то же самое, которое Христос преподал ученикам; то же самое и ныне совершают священники; последнее нисколько не ниже первого, так как и это не люди освящают, а сам Тот, Кто освятил его и тогда. Как слова, произносимые ныне священником, те же самые, которые изрек Господь, так и приношение то же самое; равно и крещение то же самое, которое Он преподал. Так все зависит от веры. Дух Святой тотчас сошел на Корнилия, когда он предварительно явил то, что требовалось с его стороны, и обнаружил веру. Итак, и это приношение есть тело (Христово) так же, как и то; а кто думает, что оно ниже того, тот не знает, что Христос и ныне присутствует и ныне действует. Итак, зная это, – не напрасно же мы говорили все это, но с тем, чтобы исправить ваши мысли и сделать вас более осторожными на будущее время, – постарайтесь исполнить сказанное на деле. Если мы будем всегда слушать, а никогда не делать, то от сказанного не будет нам никакой пользы. Будем же усердно слушать, будем тщательно внимать сказанному, начертим это в уме нашем, изобразим навсегда в совести нашей, и непрестанно будем воссылать славу Отцу и Сыну и Святому Духу.

Беседа 3

[2 Тим.1:13–18](#). Держись образца здорового учения, которое ты слышал от меня, с верою и любовью во Христе Иисусе. Храни добрый залог Духом Святым, живущим в нас. Ты знаешь, что все Асийские оставили меня; в числе их Фигелл и Ермоген. Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих, но, быв в Риме, с великим тщанием искал меня и нашел. Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день; а сколько он служил мне в Ефесе, ты лучше знаешь.

Нужно бояться суда Божия.

1. Не посланиями только (апостол) внушал ученику, что ему должно делать, но и на словах. Это он выражает и во многих других местах, когда, например, говорит: «ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного» ([2 Сол.2:2, 15](#)); но гораздо яснее здесь. Итак, не будем думать, будто учение преподано им недостаточно; многое он преподавал ученику и без письма, о чем и напоминает ему, говоря: «Держись образца здорового учения, которое ты слышал от меня». Что же означают эти слова? Как делают живописцы, говорит, так и я начертал тебе образ добродетели и всего угодного Богу, и как бы некоторое правило, первообраз, и начертание я вложил в твою душу. Это и имей; нужно ли будет тебе посоветоваться о вере, или о любви, или о целомудрии, оттуда заимствуй образцы; не будет тебе надобности искать образца у других, потому что там все содержится. «Храни добрый залог». Как? «Духом Святым, живущим в нас». Человеческая душа и человеческая сила не в состоянии сами по себе сохранить таких благ, вверенных им. Почему? Потому, что вокруг нас много разбойников, глубокая тьма, диавол стоит и коварствует, и мы не знаем, в какой час, в какое время он нападет на нас. Как же можем сохранить их? «Духом Святым», т. е., если будем иметь в себе Духа; а Он будет присущ нам, если мы не отвергнем благодати Его, потому что «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж» ([Пс.126:1](#)). Он – наша стена, Он – наша ограда, Он – наше убежище. Если же Он живет в нас и сам хранить нас, то для чего наставления? Для того чтобы мы удерживали его, хранили его, и не отгоняли от себя злыми делами. Далее повествует об искушениях, не с тем, чтобы поразить ученика, но чтобы возбудить его, чтобы он, если случится когда-нибудь и ему подвергнуться таким же

искушениям, не смущался, взирая на учителя и вспоминая о всем, случившемся с ним. Что же он говорит? Он тогда, вероятно, был взят под стражу и оставлен всеми, не видел ни от кого ни человеколюбия, ни милости, ни помощи, но был оставлен самими верующими и друзьями, и потому, послушай, что говорит: «Ты знаешь, что все Асийские оставили меня». В Риме, вероятно, было тогда много людей из азийских областей; но никто, говорит, не явился ко мне, никто не признал меня, все отшатнулись. И смотри, как любомудра душа его. Он сказал только, что было, но нисколько не укорял их; сделавшего ему добро он похвалил и пожелал ему бесчисленных благ, а им не пожелал никакого зла, – но что? «В числе их, – говорит, Фигелл и Ермоген. Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих, но, быв в Риме, с великим тщанием искал меня и нашел». Смотри, как он везде указывает на стыд, а не на опасность, чтобы не утратить Тимофея, хотя обстоятельства были исполнены опасностей, потому что он тогда подвергся гневу Нерона, обратив кого-то из близких к нему. Прибыв в Рим, говорит, Онисифор не только не избегал встречи со мною, но искал меня и нашел. «Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день; а сколько он служил мне в Ефесе, ты лучше знаешь». Таковы должны быть верующие – не удерживаться ни страхом, ни угрозами, ни стыдом, но содействовать друг другу, и как бы на войне защищать и помогать. И не столько находящимся в опасности, сколько самим себе они приносят пользу, делая себя чрез оказываемые им услуги участниками уготованных им венцов. Например, кто-нибудь из людей, посвятивших себя Богу, подвергся скорби, терпит множество бедствий и подвизается с великим терпением; а на тебя еще не возложен этот подвиг; но можешь и ты, если захочешь, не вступая на поприще, сделаться участником уготованных ему венцов, присутствуя при нем, укрепляя, утешая и ободряя его. А что это действительно так, послушай, что говорит (апостол) в другом послании: «Впрочем, вы хорошо поступили, приняв участие в моей скорби» и еще: «вы и в Фессалонику и раз и два присылали мне на нужду» ([Флп.4:14, 16](#)). Но как отсутствующие приняли участие в скорби того, кого не было с ними? Как? «Вы присылали, – говорит, – и раз и два мне на нужду». Также об Епафродите он говорит: «был близок к смерти, подвергая опасности жизнь, дабы восполнить недостаток ваших услуг мне» (Флп..2:30). Как у царей не только сражающиеся, но и хранящие оружие удостоиваются чести, и не какой-нибудь, но нередко получают даже равные с теми дары, хотя они не обагрят рук кровью, не брали оружия и даже вовсе не видали неприятельского войска, – так и еще

гораздо более в этих (духовных) скорбях. Кто помогает ратоборцу, изнемогающему от голода, присутствуя при нем, ободряя его словами и оказывая ему всякие другие услуги, тот получает одинаковую с ратоборцем награду.

2.Разумей здесь не Павла, ратоборца непобедимого и несокрушимого, но всякого другого, который, может быть, и не устоял бы и не подвизался бы если бы не получил великого ободрения и великого утешения. Так и находящиеся вне борьбы делаются виновниками победы для вступившего в борьбу, а потому будут причастниками и уготованных за победу венцов. И что удивительного, если кто-нибудь, принимая участие в подвигах еще живых ратоборцев, удостоивается одинаковых с ними наград, когда можно принимать участие в людях, уже умерших, уже лежащих, уже увенчанных и ни в чем не нуждающихся после смерти? Послушай, в самом деле, что говорит Павел: «в нуждах святых принимайте участие» ([Рим.12:13](#)). Но как, скажешь, можно сделаться их причастником? Если будешь удивляться святому мужу, если сделаешь что-нибудь такое, за что он увенчан, если примешь участие в его подвигах, а потому и в венцах. «Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день». Он оказал, говорит, мне милость, и за это получит воздаяние в тот страшный и ужасный день, когда нам нужна будет великая милость. «Да даст ему Господь обрести милость у Господа». Итак, два Господа? Отнюдь нет, «но нам один Господь Христос Иисус и один Бог»; «но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос» ([1 Кор.8:6](#)). Зараженные Маркионовою ересью ссылаются на это выражение; но пусть они знают, что оно весьма обыкновенно в Писании, и в других местах часто можно встречать это выражение, когда, например, говорится: «Сказал Господь Господу моему» ([Пс.109:1](#)); и еще: «Я сказал Господу: Ты – Господь мой» ([Пс.15:2](#)); и еще: «пролил Господь дождем серу и огонь от Господа с неба» ([Быт.19:24](#)). Этим показывается единосущие Божеских лиц, а не различие существа; и (апостол) говорит так не для того, чтобы мы представляли себе два существа, различные между собою, но два лица, имеющие одно и то же существо. И заметь, как он выражается: «да даст ему Господь». Что? Не что иное, как «милость.» Как сам (апостол) получил милость от Онисифора, так и ему желает получить то же самое от Бога. Если же Онисифор, подвергавший себя опасностям, спасается за дела милосердия, то тем более мы. Страшный, поистине страшный предстоит нам отчет, и много мы должны оказывать человеколюбия, чтобы не услышать страшных слов: «отойдите от Меня, – не знаю вас, – делающие беззаконие» ([Мф. 7:23](#)), – чтобы не услышать опять ужасных слов: «идите от Меня,

проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» ([Мф. 25:41](#)), – чтобы не услышать: «между нами и вами утверждена великая пропасть» ([Лк.16:26](#)), – чтобы с трепетом не услышать: «возьмите его и бросьте во тьму внешнюю» ([Мф. 22:13](#)), – чтобы с великим страхом не услышать: «лукавый раб и ленивый» ([Мф.25:26](#)).

Страшно, весьма страшно и ужасно это судилище, хотя Бог и благ, хотя Он и милостив. Он называется Богом щедрот и Богом утешения ([2 Кор.1:3](#)); Он благ так, как никто другой, снисходителен, щедр и многомилостив; Он не хочет смерти грешника, но чтобы он обратился и жил ([Иез.33:11](#)). Почему же, почему этот день будет исполнен такого ужаса? Огненная река потечет пред лицом его, книги деяний наших отверзутся, самый день будет подобен горячей печи, ангелы будут носиться вокруг, и разложено будет множество костров. Как же, скажешь, Бог человеколюбив, как милостив, как благ? Так, при всем этом Он человеколюбив, и здесь-то особенно открывается величие его человеколюбия. Для того ведь Он и внушает нам такой страх, чтобы, хотя таким образом мы пробудились и стали стремиться к царствию небесному. Но смотри, как (апостол) не просто упоминает об Онисифоре, но говорит: «множественно покоил меня». Он, говорит, успокаивал и укреплял меня в страданиях, как бы ратоборца, изнемогающего от зноя. «А сколько он служил мне в Ефесе, ты лучше знаешь», не только в Ефесе, говорит, но и здесь. Таким и должен быть христианин ревностный и бодрствующий, – должен делать добро не однажды, не дважды или трижды, но во всю жизнь. Как тело наше не однажды насыщается для поддержания себя на всю жизнь, но имеет нужду в ежедневном питании, так и здесь, в благочестии, мы ежедневно имеем нужду в помощи от добрых дел. Мы имеем нужду в великой милости, и человеколюбивый Бог за грехи наши делает все, не нуждаясь Сам ни в чем, но все совершая для нас. Для того Он все сказал и изъяснил нам, и не только изъяснил, но показал и посредством дел. Хотя и одни слова его достоверны, но, чтобы кто не стал подозревать в словах его преувеличения, или одной угрозы, он присовокупляет удостоверение и посредством дел. Каким образом? Ниспосылая наказания на людей – и частные, и общие. И чтобы ты убедился самими делами, для того Он то наказывал фараона, то наводил водный потоп и всеобщее погубление, то посылал истребительный огонь. И ныне мы видим, как многие порочные наказываются и предаются мучениям. Все это – подобию геенны.

3. Так, чтобы мы не предавались сну и беспечности и не забывали слов (Господа), Он напоминает об них и возбуждает нас делами, устроая и здесь допросы, судилища, наказания. Если люди столько заботятся о

справедливости, то неужели у Бога, который есть сам законодатель, не обращается на нее никакого внимания? Можно ли поверить этому? Подлинно, везде можно видеть судилища – и в доме, и на площади. Так в доме господин ежедневно судит рабов, требует отчета в их поступках, и за одни наказывает, а за другие прощает; В селах земледелец и жена его ежедневно судятся взаимно; на кораблях судит кормчий; в войсках военачальник судит воинов; в искусствах учитель – ученика; и много можно найти судилищ. Таким образом, и в частности и вообще все судят друг друга, и нигде не увидишь, чтобы справедливость была пренебрегаема, но все и везде отдают отчет. Если же здесь так распространена забота о справедливости – и в городах, и в домах, и у каждого человека порознь, то неужели нет никакой справедливости там, где правды исполнена десница Божия ([Псал.47:11](#)), и где «правда Его как горы Божии» ([Псал.35:7](#))? Но почему же, скажешь, Бог, судия праведный, всемогущий и долготерпеливый, попускает грехи и не тотчас же наказывает? Здесь уже заключается и причина: Он, говоришь ты, долготерпелив, а долго терпит Он, ведя тебя на покаяние; если же ты упорствуешь, то «по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев» ([Рим.2:4, 5](#)). Итак, если Он праведен, то воздаст по достоинству и не оставит без наказания делающих зло, потому что это свойственно праведному. Если Он всемогущ, то воздаст и по смерти, и при воскресении, потому что это свойственно всемогущему. Если же Он по долготерпению Своему медлит, то не будем смущаться и говорить: почему Он не наказывает здесь? Ведь если бы так было, если бы Он ежедневно подвергал нас наказанию за наши преступления, то род человеческий уже не существовал бы. Нет, поистине нет дня, свободного от грехов, но ежедневно мы грешим больше или меньше, так что никто из нас не мог бы достигнуть и двадцатилетнего возраста, если бы не было великого его долготерпения и благодати, дающей нам достаточный срок для покаяния, для того, чтобы мы очистились от грехов.

Пусть, поэтому, каждый, вникнув в дела свои правой совестью и исследовав всю свою жизнь, посмотрит, не заслуживает ли он бесчисленных мучений и казней. И когда он будет негодовать, почему такой-то, совершающий множество злых дел, не подвергается наказанию, то пусть представит собственные свои дела, и негодование его прекратится. Грехи другого кажутся великими потому, что касаются предметов важных и явных; но если он исследует собственные дела, то, может быть, найдет их еще более великими. Так, похищать и быть любостыжательным равно грех, будет ли это касаться золота или серебра;

то и другое рождается от одного и того же помысла, и похитивший малое не откажется похитить и большее; если же он не сделал этого, то так случилось не от него самого, а по стечению обстоятельств. Бедный, обижающий беднейшего, не оставил бы в покое, если бы мог, и богатого, но не делает этого по бессилию, а не по своей воле. Такой-то начальник, скажешь, похищает собственность подчиненных. А ты, скажи мне, разве не похищаешь? Не говори мне, что он похищает таланты золота, а ты – десятки оболов. И в сокровищницу другие клали золото, а вдовица положила две лепты, и, однако, внесла нисколько не меньше их. Почему? Потому, что у Бога ценится произволение, а не подаяние. Если же ты допускаешь, чтобы Бог судил так о милостыне, чтобы твое пожертвование, состоящее из двух лепт, по бедности твоей, было нисколько не меньше тех, которые пожертвовали тысячи талантов золота, то почему не допускаешь того же в любостыжании? Основательно ли это? Как вдовица, положив две лепты, по произволению своему пожертвовала нисколько не меньше других, так и ты, похитив две лепты, нисколько не лучше других похитителей, но даже, – если можно сказать нечто удивительное, – обнаруживаешь любостыжательность гораздо больше их. Как в прелюбодеянии одинаково виновен, совершил ли его кто-нибудь с женою царя или с женою бедного, или с женою раба, потому что грех судится не по различию лиц, но по злему расположению решившегося на это, – так точно и здесь. И даже я назвал бы скорее прелюбодеем того, кто совершает прелюбодеяние с какою-нибудь незначительною женщиною, нежели – с самую царицею, потому что здесь богатство, красота и многое другое могли служить обольщением, – а там нет ничего такого, и, следовательно, там прелюбодеяние бывает гораздо более. Равным образом и пьяницею я назову более того, кто упивается худым вином; равно и любостыжательным – того, кто не пренебрегает даже малым. В самом деле, похищающий большое, может быть, и пренебрежет малым; но похищающий малое никогда не откажется от большого, и потому последний есть вор по преимуществу. Кто не пренебрегает серебра, тот пренебрежет ли золотом? Итак, когда мы осуждаем начальников, то представим собственные наши дела, и увидим, что мы сами больше их виновны и в воровстве, и в любостыжании, если будем судить об этом не по делам, но по душевному расположению, как и следует судить. В самом деле, скажи мне, если будет приведен в суд кто-нибудь, похитивший у бедного, и другой, похитивший у богатого, то не одинаково ли оба они получать наказание? Также убийца, не одинаково ли есть убийца, убьет ли он человека бедного и убогого, или богатого и властного? Итак, когда мы скажем, что такой-то у

такого-то отнял имение, то подумаем о своих делах, и тогда мы не станем осуждать других, подивимся долготерпению Божию, не будем негодовать, что суд его не приходит на грешников, и сами будем менее скорыми на совершение злых дел. Когда увидим, что и мы сами виновны в том же, то уже не будем по-прежнему негодовать на других, но отстанем от грехов и сподобимся будущих благ во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому со Отцем и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 4

2 Тим.2:1–7. Итак укрепляйся, сын мой, в благодати Христом Иисусом, и что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить. Итак переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа. Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику. Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться. Трудящемуся земледельцу первому должно вкусить от плодов. Разумей, что я говорю. Да даст тебе Господь разумение во всем.

Воздаяние за учительство. – На земли нет ни истинной славы, ни истинных благ. – Сравните Павла с Нероном.

1. Ученику в море придает много бодрости то, когда учитель его потерпел кораблекрушение и спасся, потому что он уже не думает, что бури нападают на него от его неискusstва, но – от естественного порядка вещей; а это немало способствует к поддержанию бодрости. Равным образом и начальнику отряда на войне служит ободрением то, когда он видит, что полководец его, будучи ранен, остается мужественным. Так и для верующих служит утешением то, что апостол потерпел много бедствий и ни от одного из них не упал духом. Иначе, если бы это было не так, (Павел) и не говорил бы о своих страданиях. Тимофей, слыша, что учитель, сделавший так много и победивший всю вселенную, находится в узах, в скорбях, оставлен своими, и, однако, не жалуется и не негодует, и сам, подвергшись таким же бедствиям, не стал бы приписывать случившегося человеческой слабости, или тому, что он ученик и менее Павла, – ведь и учитель терпел тоже, – по естественному порядку вещей. Поэтому (апостол) так и поступил, поэтому он и распространяется обо всем этом, чтобы ободрить и укрепить (Тимофея). С такою целью, рассказав о своих скорбях и искушениях, он продолжает: «укрепляйся, сын мой, в благодати Христом Иисусом». Что ты говоришь? Ты поразил нас страхом, ты сказал, что ты связан, что ты в скорбях, что все оставили тебя, и потом, как будто сказавши, что ты не потерпел никакого бедствия и никем не оставлен, присовокупляет: «укрепляйся, сын мой». И справедливо, – потому что первое гораздо более может ободрить тебя, нежели последнее. В самом деле, если я – Павел терплю такие бедствия, то гораздо более должен терпеть их ты; если терпит учитель, то тем более – ученик. Это увещание он предлагает (Тимофею) с великою любовью,

называя его «сыном», и не просто, но: «сыном моим». Если, говорит, ты – сын, то подражай отцу; если ты – сын, то укрепляйся тем, что я сказал; впрочем, не словами моими только, но благодатию Божиею: «укрепляйся, сын мой, в благодати Христом Иисусом», т. е. благодатию Христовою; стой мужественно; ты знаешь боевой порядок. Так и в другом месте, объясняя, что «наша брань не против крови и плоти» ([Еф.6:12](#)), он говорит это не для поражения слушателей, но для их ободрения. Итак, трезвись, говорит, бодрствуй; благодать Господа сподвизается и содействует тебе; но и ты с полною готовностью и охотою исполняй свое дело.

«И что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям», – верным, а не таким, которые любят исследовать и рассуждать. «Верным», т.е. каким? Таким, которые не предадут проповеданного им. «Что слышал», а не то, что выдумал, так как «вера от слышания, а слышание от слова Божия» ([Рим.10:17](#)). А что значит: «при многих свидетелях»? Он как бы так говорит: ты слышал от меня не скрытно и тайно, а в присутствии многих, открыто. Не сказал: скажи, но: «передай», как бы о сокровище, которое передается и сохраняется в безопасном месте. Так он опять внушает ученику страх и предыдущими словами и последующими. При том «передай», говорит, не только верным, так как что за польза, если принявший, хотя и верен, но другим передать учения не может, если он, хотя сам и не изменит вере, но не сделает такими же других? Учителю нужно иметь два качества: быть верным и учительным. Поэтому он и говорит: «Которые были бы способны и других научить. Итак переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа». О, какая честь – быть воином Христовым! Вспомни, насколько важным считается у воинов находиться под начальством земных царей, если же царскому воину свойственно переносить страдания, то не переносить страданий недостойно воина. Итак, не должно скорбеть, если терпишь страдания, – это ведь свойственно воину, – но следует скорбеть, если не терпишь их. «Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику. Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться». Это сказано Тимофею, но чрез него говорится и всякому учителю и ученику. Пусть же никто из имеющих епископство не огорчается, слыша это, но – огорчается, не делая этого. «Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться». Что значит: «если незаконно»? Для него не довольно того, чтобы выйти на подвиг, или намазаться, или сойтись с противником; но если он не соблюдет всех законов борьбы касательно пищи, воздержания и чистоты, самого места борьбы, и вообще если не исполнит всего,

приличного ратоборцам, то не получит венца. И посмотри на мудрость Павла: он напоминает (Тимофею) о борьбе и о войнах, как для того, чтобы он был готовым на смерть, убиение и кровопролитие, так и для того, чтобы внушить ему твердость, чтобы он переносил все мужественно и постоянно был в подвиге. «Трудящемуся земледельцу, – говорит, – первому должно вкусить от плодов». Указав на свой пример и сказав об учителе, (апостол) говорит далее о том, что случается с обыкновенными людьми, о ратоборцах, о войнах, и указывает при этом на их награды, во-первых – «угодить военачальнику», а во-вторых – «увенчивается»; приводит еще и третий пример, который особенно близок (Тимофею). Пример война и ратоборца относится и к подчиненным, а пример земледельца к учителю, который должен быть не только воином и ратоборцем, но и земледельцем. Земледелец заботится не только о себе самом, но и о плодах земли, т. е., земледелец получает в плодах немалое воздаяние за труды свои.

2. Здесь (апостол), указав на общеизвестный пример, выражает и то, что Бог ни в чем не имеет нужды, и говорит о воздаянии за учительство. Как земледелец, говорит, трудится не без пользы, но сам прежде других наслаждается плодами трудов своих, так следует и учителю. Или об этом он говорит, – или о чести, воздаваемой учителям. Впрочем, последнее предположение не имеет основания; иначе, почему он говорит не просто о земледельце, но трудящемся, и не просто трудящемся, но уже потрудившемся? А чтобы никто не жаловался на замедление (воздаяния), то говорит: ты уже получаешь воздаяние, или: в самом труде есть воздаяние. После того, как он привел примеры воинов, ратоборцев и земледельцев, и все изложил кратко, он говорит: «Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться»; а сказав: «Трудящемуся земледельцу первому должно вкусить от плодов», присовокупляет: «Разумей, что я говорю. Да даст тебе Господь разумение во всем». Для того все это и было сказано в примерах и притчах. Затем опять, по любви своей, начинает увещевать его, как бы боясь за него, точно за родного сына, и говорит: «Помни Господа Иисуса Христа от семени Давидова, воскресшего из мертвых, по благовествованию моему, за которое я страдаю даже до уз, как злодей; но для слова Божия нет уз» ([2 Тим.2:8–9](#)). Для чего здесь он упоминает об этом? Главным образом для того, чтобы отразить еретиков, а вместе и для того, чтобы ободрить ученика и показать пользу страданий, так как и сам учитель, наш Христос страданиями победил смерть. Помни это, говорит, и будешь иметь достаточное утешение. «Помни, – говорит, – Господа Иисуса Христа от семени Давидова, воскресшего из мертвых». В то время некоторые уже

начали извращать домостроительство нашего спасения, стыдясь величия человеколюбия Божия. Действительно, благодеяния Божии к нам так велики, что люди стыдятся приписать их Богу, и не верят, чтобы Он оказал такое снисхождение. «По благовествованию, – говорит, – моему». Он часто повторяет в своих посланиях: «по благовествованию моему», или потому, что следовало верить ему, или потому, что другие благовествовали иное. «За которое, – говорит, – я страдаю даже до уз, как злодей». Опять в собственном примере предлагает утешение, и опять – увещание, ободряя слушателя двумя способами: указанием и на свои страдания, и на то, что он подвергается им не без пользы. Таким образом, для слушателя это будет благотворно; а иначе даже вредно, потому что какая польза, если ты покажешь, что учитель страдает, но без всякой выгоды? А то достойно удивления, если он страдает с выгодой, ко благу поучаемых. «Но для слова Божия нет уз» ([2 Тим.2:9](#)). Если бы, говорит, мы были мирскими воинами, или вели войну чувственную, то эти узы, связывающие руки, имели бы силу; ныне же Бог сделал нас такими, что нас ничто не побеждает. Нам связываются руки, но не язык; язык связать ничто не может, разве только страх и неверие; если в нас нет их, то хотя бы ты наложил на нас оковы, проповедь не связывается. Кто связывает земледельца, тот препятствует сеянию, потому что земледелец сеет рукою; но если свяжешь учителя, то этим не воспрепятствуешь его слову, потому что он сеет языком, а не рукою. Итак, наше слово не подчиняется узам, и когда мы связаны, оно развязано и простирается вперед. Каким, скажешь, образом? А вот – мы проповедуем, хотя и связанные. Это говорит он для поощрения тех, которые не связаны: если мы, связанные, проповедуем, то тем более надлежит делать это вам, несвязанным. Ты слышал, что я «страдаю как злодей?» Не унывай же; подлинно великое чудо – связанному делать то же, что делают несвязанные, связанному превзойти всех, связанному победить связавших его. Проповедуемое нами есть слово Божие, а не наше; человеческие же узы не могут связать слова Божия. Я терплю это, говорит, за избранных: «Посему я все терплю ради избранных, дабы и они получили спасение во Христе Иисусе с вечною славою» ([2 Тим.2:10](#)). Вот и другое увещание. Я терплю это, говорит, не за себя, но для спасения других. Если бы я искал только своего, то мог бы жить безбедно, мог бы не терпеть ничего такого. Для чего же я терплю это? Для блага других, чтобы другие получили жизнь вечную. И что еще прибавляет? Не просто сказал: за некоторых, но: «ради избранных». Если Бог избрал их, то нам должно терпеть все для них, «дабы и они получили спасение». Выражением: «дабы и они» он изъясняет и показывает, что (они получают так же), как и мы,

потому что и нас избрал Бог. Как для нас пострадал Бог, так и мы должны страдать для них; и таким образом это будет воздаянием, а не даром. Со стороны Бога это было даром, потому что Он оказал нам благодеяния, еще не испытав от нас ничего доброго; а с нашей стороны это – воздаяние, потому что мы, наперед сами получив благодеяния от Бога, страдаем за тех, за кого страдаем, чтобы они получили спасение. Что ты говоришь? Какое спасение? Кто не бывает виновником собственного спасения, но губит себя, тот может ли быть виновником спасения других? Потому-то (апостол) и прибавил: не такого спасения, но «во Христе Иисусе» спасения истинного, «с вечною славою». Настоящие обстоятельства прискорбны, но они – только на земле; настоящие обстоятельства тягостны, но они временны; они исполнены неприятностей и огорчений, но только на сегодняшний и завтрашний день.

3. Истинные же блага не таковы, но они вечны, на небе. Тамошняя слава есть истинная, а здешняя – бесчестие. Послушай, возлюбленный: на земле нет славы, но истинная слава на небесах; кто хочет прославиться, тот (здесь) пусть терпит бесчестие; кто хочет достигнуть покоя, тот (здесь) пусть терпит скорби; кто хочет радоваться и блаженствовать вечно, тот пусть презирает временное. А что здесь бесчестие есть слава, а слава – бесчестие, постараемся по возможности доказать это, чтобы узнать истинную славу. Невозможно достигнуть славы на земле; если же хочешь прославиться, то – чрез бесчестие. Объясним это примером двух лиц, Нерона и Павла. Первый пользовался мирскою славою, второй терпел бесчестие. Каким образом? Нерон был государь, совершил много важных дел, ставил трофеи, имел неистощимое богатство и бесчисленное войско повсюду, большая часть вселенной была ему подвластна, столица повиновалась ему, весь сенат преклонялся пред ним, самые дворцы его имели блестящий вид. Нужно ли было вооружиться, – он выходил, облеченный в оружие, украшенное золотом и драгоценными камнями; нужно ли было оставаться в мире, – он сидел, одетый в порфиру. Он имел множество копьеносцев и щитonosцев; его называли владыкою земли и моря, самодержцем, августом, кесарем, царем и многими другими подобными именами, которые изобретают лезть и угодничество. Вообще не было у него недостатка ни в чем, что нужно для славы; даже мудрецы, повелители и цари боялись его и трепетали пред ним. Впрочем, он и слыл за человека жестокого и бесстыдного; он хотел быть даже богом, презирал всех идолов и самого (Владыку) всех Бога, и принимал божеское почитание. Что выше такой славы, или лучше сказать, что хуже такого бесчестия? Не знаю, как уста мои, увлекаемые истиною, зашли вперед и

еще прежде суда произнесли приговор. Но сначала исследуем это дело по общему суждению, по суждению неверных, по суждению лести. Что может быть выше той славы, чтобы называться даже богом? Поистине великое бесчестие – человеку дойти до такого безумия; впрочем, будем исследовать дело по общему суждению. Таким образом, не было у него недостатка ни в чем, что нужно для славы человеческой, и все служили ему, как богу. Теперь, если угодно, в противоположность ему представим Павла. Он был киликиянин; а какая разница между Киликиею и Римом, все знают; был кожевник, бедный, неопытный в мирской мудрости, умевший говорить только по-еврейски, на языке, презираемом всеми, и в особенности италийцами, которые не столько презирают людей, говорящих на языке варварском, или греческом, или каком-нибудь другом, как – на сирском; а еврейский язык имеет с ним большое сходство. И неудивительно, что они презирали этот язык; если они презирают чудный и прекрасный язык греческий, то тем более еврейский. (Павел) был человек, часто терпевший голод, ложившийся спать без укрепления пищею, не имевший одежды, чем бы прикрыться, живший, как он сам говорит, «на стуже и в наготе» ([2 Кор.11:27](#)), при том бывший в узах, в которые он заключен был, по приказанию того же (Нерона), вместе с разбойниками, волшебниками, расхитителями гробниц, убийцами, и был наказываем, как злодей, о чем он сам говорит ([2 Тим.2:9](#)). Кто же из них славнее? Того многие не знают даже по имени, а этого не прославляют ли ежедневно и эллины, и варвары, и скифы, и живущие у самых пределов вселенной? Впрочем, не будем говорить о том, что есть теперь, и исследуем то, что было тогда. Кто из них был знаменитее? Кто славнее? Тот ли, кто в цепях и оковах был влеко из темницы, или тот, кто в порфире выступал из царских чертогов? Конечно, узник. Почему? Потому, что тот, и имея войско и сидя в блестящей одежде, не мог сделать всего того, чего хотел; а этот узник, заключенный как злодей и одетый в бедную одежду, самовластно делал все. Как и каким образом? Тот говорил: не сей слова благочестия; а этот отвечал: не перестану сеять, потому что «для слова Божия нет уз» ([2 Тим. 2:9](#)); и киликиянин, узник, скинотворец, бедняк, терпевший голод, противился римлянину, богатому, царствовавшему, повелевавшему всеми, раздававшему тысячи тысячам, – и последний, при всем множестве своего войска, не мог ничего сделать. Кто же из них был славнее? Кто достойнее уважения? Побеждающий ли в узах, или побеждаемый в порфире? Стоявший ли внизу и низвергающий, или сидевший вверху и низвергаемый? Повелевавший ли и встречающий презрение, или получавший повеления и необращающий на них никакого

внимания? Бывший ли одиноким и побеждающий, или окруженный бесчисленным войском и побеждаемый? Царь отступил, а узник воздвиг над ним трофей победы. Скажи же мне: в котором из этих двух положений всякий желал бы находиться? Не говори мне о последствиях, но рассмотри пока самые положения: в котором из них всякий желал бы находиться – Павловом, или Нероновом? Не говорю по отношению к вере, – это очевидно, – но по отношению к славе, знаменитости, знатности. Всякий здравомыслящий сказал бы: в Павловом. Если побеждать славнее, нежели быть побежденным, то он славен; и не то еще важно, что он победил, но то, что, будучи в таком состоянии (как Павел), он победил находившегося в таком состоянии (как Нерон). Так, опять скажу и не перестану говорить, заключенный в оковы победил облеченного в диадему!

4. Такова сила Христова: узы победили царский венец, и первые оказались славнее последнего. (Павел) был одет в нечистое рубище, как живший в темнице, но узы, которыми он был связан, привлекали всех более порфиры; он сидел на земле, в заключении и с поникшею головою, но все стекались слушать его, оставив того, кто сидел на золотой колеснице. И справедливо. Дело обыкновенное – видеть царя, сидящего на белом коне; но необыкновенно и поразительно – видеть узника, отвечающего царю с таким дерзновением, с каким царь – бедному и жалкому рабу. Множество народа стояло вокруг, и все были слуги царя, но удивлялись не владыке своему, а тому, кто победил их владыку; один он попирал ногами того, кого все боялись и трепетали. Вот, какова слава его в самых узах! А что сказать о последующем? Неизвестна и гробница одного (Нерона), а другой (Павел) лежит славнее всех царей в той самой столице, где он одержал победу, где воздвиг трофей. О том, если и вспомнит кто-нибудь даже из близких к нему, то с отвращением, – он, говорят, был и развратник, – а об этом вспоминают с похвалами везде, не только между нами, но и между самими врагами. Когда истина воссияла, то и враги не могут упорствовать, но удивляются, если не вере (Павла), то его дерзновению, его мужеству. Этого уста всех и везде провозглашают, превознося похвалами, а того осыпают хулами и порицаниями. Кто же из них славен? Впрочем, я незаметным образом стал хвалить льва по ногтям его, вместо того, чтобы говорить о том, что действительно достойно хвалы. Что же это такое? То, что будет на небесах, – как (Павел) явится с Царем небесным, в светлом виде, и как Нерон будет стоять тогда печальный, с поникшею головою. Если слова мои тебе кажутся невероятными и смешными, то смешон ты сам, смеющийся над тем, что достойно не смеха. Если ты не веришь будущему, то поверь тому, что уже

совершилось: еще не пришло время венцов, и, однако, этот подвижник уже удостоился такой чести; какой же он сподобится славы, когда придет Подвигоположник? Он был странником среди чужих, странником и пришельцем, и заслужил такое удивление: какого же блага не получит он, когда будет между своими? «Жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге» ([Кол.3:3](#)), и однако умерший действует и почитается более живых: чего же не получит он, чего не достигнет, когда придет самая жизнь наша? Для того-то Бог и удостоил его здесь такой чести, а не потому, чтобы он имел в ней нужду, – ведь если он еще в телесной жизни презирал славу от людей, то гораздо более по разлучении с телом. И не потому только Бог удостоил его такой чести, но и для того, чтобы неверующие будущему удостоверялись в том, по крайней мере, из настоящего. Я говорю, что Павел придет с Царем небесным, когда будет воскресение, что он сподобится наслаждения бесчисленными благами; но неверующий не верит; пусть же он поверит этому из событий настоящих. Скинотворец славнее царя, в большей чести, нежели царь; никакой римский царь не удостоивался такой чести; царь лежит где-то за городом, а он (Павел) занимает средину города, как бы царь и при том живой. Поэтому поверь и будущему. Если здесь, где он был гоним и преследуем, он удостоился такой чести, то что будет тогда, когда он явится опять? Если там, где он был скинотворцем, он сделался столь славным, то, что будет тогда, когда он придет в блеске солнечных лучей? Если после такого уничтожения он достиг такого величия, то чего он не достигнет, когда придет опять? Невозможно отвергать совершившегося на деле. Кого не убедит то, что скинотворец сделался славнее того, которому удивлялись больше всех царей? если здесь совершилось событие сверхъестественное, то тем более совершится в будущем. Поверь же, человек, настоящему, если не хочешь верить будущему; поверь видимому, если не хочешь верить невидимому; или лучше сказать: поверь видимому, и ты поверишь невидимому. Если же не хочешь, то благовременно нам сказать слова апостола: чисты мы от крови вашей; мы преподали вам все, и не опустили сказать ничего, что следовало ([Деян.20:26](#)); сами вы виноваты, если сделаете себя достойными наказания в геенне. Будем же, возлюбленные дети, подражать Павлу не по вере только, но и по жизни; будем презирать здешнюю славу, чтобы получить славу небесную. Пусть ничто настоящее не увлекает нас; будем презирать блага видимые, чтобы получить блага небесные, или лучше, чтобы чрез последние получить и первые, имея впрочем, в виду преимущественно – достигнуть благ небесных, которых да сподобимся все мы.

Беседа 5

([2Тим.2:11-14](#)) «Верно слово: если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас; если мы неверны, Он пребывает верен, ибо Себя отречься не может. Сие напоминай, заклиная пред Господом не вступать в словопрения, что нимало не служит к пользе, а к расстройству слушающих.»

Угрызения совести возмущают наш покой. – Страх суда. – Иногда и в настоящей жизни Бог карает нечестивых.

1. Многие из людей слабых отказываются от подвига веры и не переносят нескорого исполнения надежды, но стремятся к благам настоящим и по ним судят о будущих. Когда здесь предстояли смерть, мучения, узы, а (Павел) говорил своим слушателям, что они пойдут в жизнь вечную, то иной мог не верить и сказать: что ты проповедуешь, – каким образом, когда я живу, тогда умираю, и когда умру, тогда буду жить? На земле ты не обещаешь мне ничего, и предоставляешь на небе? Не даешь малого, и обещаешь великое? Поэтому, чтобы никто не думал так, (апостол) представляет несомненное тому доказательство. Он уже и прежде утверждал это и приводил свидетельства, – именно слова: «Помни Господа Иисуса Христа, воскресшего из мертвых» ([2 Тим. 2:8](#)) означают то, что Он воскрес после смерти, – и теперь опять объясняет то же и говорит: «верно слово», что имеющий жизнь небесную получит и вечную. Почему «если мы с Ним умерли, – говорит, – то с Ним и оживем». В самом деле, скажи мне, если мы участвуем со Христом в скорбях и страданиях, то ужели не будем участвовать с Ним в благах? Этого не сделал бы и человек, – чтобы, достигнув покоя, не принять в общение с собою того, кто решился вместе с ним страдать и умереть. Когда же мы умерли вместе (с Христом)? (Апостол) говорит о смерти, как посредством купели крещения, так и посредством страданий. Так он говорит: «носим в теле мертвость Господа» ([2 Кор.4:10](#)); еще: «погреблись с Ним крещением в смерть» ([Рим.6:4](#)); и еще: «ветхий наш человек распят с Ним» ([Рим.6:6](#)); и еще: «соединены с Ним подобием смерти Его» ([Рим.6:5](#)). Здесь же он говорит и о смерти посредством искушений, и преимущественно об ней, так как он находился в искушениях, когда писал это. Смысл слов его следующий: если ради Него мы умерли, то ужели не оживем ради Него? В этом нет сомнения. «Если терпим, – говорит, – то с Ним и царствовать будем». Не

сказал просто: воцаримся, но: «если терпим», показывая, что недостаточно умереть однажды, – сам этот блаженный умирал ежедневно, – а нужно иметь много терпения, которое особенно необходимо было Тимофею. Не ссылайся, говорит, на прежние страдания, а скажи, терпишь ли ты постоянно. Затем предлагает ему увещание с другой стороны, не со стороны добрых людей, но и злых. Если бы и злые могли сделаться участниками того же (что ожидает добрых), то это не было бы утешением; и если бы терпевшие должны были воцариться со Христом, а нетерпевшие получили бы только то наказание, что не воцарились бы с Ним, то, хотя и это страшно, но для многих не было бы достаточною угрозой. Поэтому он и говорит нечто более страшное: «если отречемся, и Он отречется от нас». Следовательно, воздаяние постигнет не только добрых, но и злых. Представьте же, что будет терпеть тот, кто отвержен будет в царствии его. «А кто отречется от Меня, – говорит Он, – отрекусь от того и Я» ([Мф.10:33](#)). Воздаяние не равно делу преступления, хотя, по словам его, и кажется так. Мы, отрекающиеся от Него, – люди, а Он – Бог; нужно ли говорить, какое расстояние между Богом и людьми?

2. С другой стороны, таким отречением мы вредим себе, а отнюдь не Богу, и не можем (вредить ему). Потому-то (апостол), объясняя это, и продолжает: «если мы неверны, Он пребывает верен, ибо Себя отречься не может» – т. е., если мы не верим, что Он воскрес, то Он не терпит от этого никакого вреда; Он истинен, Он неизменен, будем ли мы исповедывать его, или не будем. Если же Он не терпит никакого вреда, когда мы отрекаемся от Него, то значит, что Он требует исповедания нашего не для чего иного, как для нашей же пользы. Он пребывает одним и тем же, отрекаемся ли мы от Него, или не отрекаемся: «ибо Себя отречься не может», т. е. отречься от того, что Он есть. Мы можем говорить, что его нет, хотя на деле и не так. Он, по существу своему, не может не быть; это невозможно, т. е. ему невозможно обратиться в небытие; Он всегда пребывает, всегда существует по естеству Своему. Итак, не будем думать, будто мы можем сделать Ему одолжение или повредить Ему. Далее, чтобы кто не подумал, что Тимофей имел нужду в таких (внушениях), (апостол) присовокупляет: «Сие напоминай, заклиная пред Господом не вступать в словопрения, что нимало не служит к пользе, а к расстройству слушающих». Страшно – говорить, приводя во свидетели Бога, потому что, если никто не решится изменить, призвав во свидетели человека, то тем более – Бога. Например, если кто составит договор, или завещание, призвав достоверных свидетелей, то кто осмелится приписать их кому-нибудь другому, постороннему? Никто; а если бы и захотел, то остережется, опасаясь

достоверности свидетелей. Что значит: «заклинаая»? Значит – призывая Бога во свидетели своих слов и действий. «Не вступать в словопрения»; и не поэтому только, но и «к расстройству, – говорит, – слушающих». Отсюда не бывает не только никакой пользы, но и великий вред. Итак, «Сие напоминай», если же слушатели будут пренебрегать, то Бог им судья. А для чего Он увещевает не «вступать в словопрения»? Он знал, что это дело обыкновенное и что человеческая душа всегда склонна к состязанию и словопрению. Чтобы этого не было, он не просто говорит: «Не вступать в словопрения», но употребляет более страшное выражение, присовокупляя: «к расстройству слушающих».

«Старайся представить себя Богу достойным, делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины» (2Тим.2:15). Везде он увещевает избегать стыда. Почему же он так часто упоминает о стыде? Потому, что многие могли стыдиться и самого Павла, как skinотворца, и учения христианского, которого учителя терпели мучения: Христос был распят, его (Павла) ожидало отсечение головы, Петр был пригвожден ко кресту вниз головою, и при том терпели это от людей ничтожных и презренных. Так как подобные люди господствовали, то (апостол) и говорит: не постыдись, т. е. нисколько не стыдись делать все, что относится к благочестию, хотя бы тебе за это надлежало подвергнуться рабству, или потерпеть что-нибудь другое. А как сделаться «достойным»? Будучи «делателем неукоризненным». Как (всякий) делатель трудится, не стыдясь ничего, так должен поступать и делатель евангелия; он должен быть готовым на все. «Верно преподающим слово истины». Хорошо (апостол) сказал это, потому что многие злоупотребляют и искажают слово истины, прибавляя к нему много неправого. Не сказал: управляющего, но: «Верно преподающим», – т.е. отделяй неправое, и все тому подобное отражай и отсекай с великою силою; как бы по натянутой нити отсекай мечом духовным все излишнее и чуждое проповеди. «А непотребного пустословия удаляйся» (2Тим.2:16), потому что этим дело не ограничится; но когда привнесено что-нибудь новое, то оно постоянно порождает новые разделения; без конца блуждает тот, кто вышел из тихой пристани, и нигде не остановится. «Еще более будут, – говорит, – преуспевать в нечестии, и слово их, как рак, будет распространяться» (2Тим.2:17). Это – неудержимое зло, которое не может быть остановлено врачеванием, но заражает все. (Апостол) внушает, что пустословие есть болезнь, и даже хуже болезни; выражает также неисправимость подобных людей; они заблуждаются не случайно, а добровольно, и потому совершенно неисправимы. «Таковы, – говорит, – Именей и Филит, которые

отступили от истины, говоря, что воскресение уже было, и разрушают в некоторых веру» (2Тим.2:18). Хорошо он сказал: «будут преуспевать». По-видимому, – это зло только само по себе; но посмотри, какие отсюда происходят последствия. Если воскресение уже было, то отсюда для нас не только тот вред, что мы лишились великой славы, но уничтожаются и суд и воздаяние; если воскресение уже было, то было и воздаяние; добрые, следовательно, не получили вознаграждения за скорби и страдания, а злые не наказаны, и хорошо, что они жили в удовольствиях. Лучше было сказать, что нет воскресения, нежели – что оно уже было. «И разрушают, – говорит, – в некоторых веру». Не всех, а «в некоторых», если воскресения нет, то и вера разрушена: «если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна», и Христос не воскрес (1 Кор.15:13, 14); а если Он не воскрес, то и не родился и не восходил на небеса. Видишь ли, как противление, по-видимому, одному только учению о воскресении влечет за собою много дурных последствий? Что же, скажешь, ужели не нужно делать ничего с колеблющимися (в вере)? «Но твердое основание, – говорит (апостол), – Божие стоит, имея печать сию: познал Господь Своих; и: да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа» (2Тим.2:19).

3. Здесь показывается, что они не были тверды еще прежде, нежели поколебались; иначе не поколебались бы от первого же нападения, – подобно как Адам не был тверд прежде искушения. Твердые не только ничего не терпят от обольстителей, но еще заслуживают удивления. «Твердое, – говорит, – основание». Так нужно быть предану вере. «Имея печать сию: познал Господь Своих». Что это значит? Апостол заимствовал это из Второзакония². Оно значит: твердые души стоят твердо и неподвижно. А из чего это видно? Из того, что такие слова начертаны на делах их, что Бог знает их и не попускает погибнуть, что они удаляются от неправды. «Да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа». Вот признаки основания! Такой человек является как бы твердым основанием. Подобно тому, как на камне делается надпись, чтобы она была признаком его, эта надпись у него выражается в делах. «Имея, – говорит, начертанную печать сию: да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа». Следовательно, кто делает неправду, тот не имеет этого основания; и признак этой печати – не делать неправды. Итак, не будем лишать себя этой царской печати и знака, чтобы нам не остаться незапечатленными и непрочными, но стоять на основаниях, и на твердых основаниях, и не увлекаться. Вот признак людей, принадлежащих Богу, – удаляться от неправды! Как Богу, Который праведен, может принадлежать тот, кто делает неправду, противится ему своими делами и оскорбляет его

своими поступками? Но опять мы осуждаем неправду и опять возбуждаем против себя множество недовольных. Страсть, как бы какой тиран, овладела душами всех, и – вот что страшно – овладела не принуждением или насиланием, но убеждением и увлечением, так что они же бывают благодарны за такое рабство.

Это поистине страшно, потому что если бы они были удерживаемы насиланием, а не привязанностью, то скоро отстали бы. И отчего представляется приятным то, что само по себе весьма неприятно? Напротив, отчего правда представляется неприятною, тогда как она весьма приятна? Зависит это от наших чувствований. Так некоторые и мед находили горьким, а другое что-нибудь вредное принимали с удовольствием; причина – не в существе вещей, а в испорченности самих людей дурных. Подумай о судилище в нашей душе. Как весы неверно показывают тяжесть взвешиваемых вещей, когда отвес не утвержден надлежащим образом, так и душа не может хорошо судить о вещах, но колеблется и увлекается, когда отвес ее помыслов не утвержден и не прикреплен прочно к закону Божию. Если посмотреть внимательно, то можно видеть, что неправда очень горька, не только для тех, которые терпят от нее, но и для тех, которые делают ее, и гораздо более для последних, нежели для первых. Не станем говорить уже о будущем, а скажем только о настоящем. Не сопровождают ли ее тяжбы, суды, осуждение, зависть, злословие? Что может быть неприятнее этого? Не сопровождают ли ее ненависть, вражда, укоризны, непрестанные терзания и угрызения совести? Я желал бы, если бы можно было, извлечь из тела души человека несправедливого, – и ты увидел бы, как она бледнеет, дрожит, стыдится, тревожится и осуждает сама себя. В какую бы глубину зла мы ни впали, судия души нашей не истребляется, но остается неподкупным, и никто прямо не скажет, что неправда есть добро, но выдумывает предлоги и употребляет все меры, чтобы, по крайней мере, словами оправдать себя; но оправдания от совести получить он не может. Между нами и красноречие, и подкупность правителей, и множество льстецов могут помрачить истину; но внутри – в совести – нет ничего такого, нет льстецов, нет денег для подкупа судьи. Этот судия внедрен в нас Богом от природы; а то, что от Бога, не может терпеть ничего такого.

4. Напротив, и неприятные сны, и призраки, и постоянное воспоминание о сделанном зле возмущают тогда покой наш. Например, присвоил ли кто-нибудь несправедливо дом другого? Тогда страдает не только лишившийся, но и присвоивший, если он уверен в (будущем) суде; если он уверен в этом, то сильно скорбит и плачет; если же не верит в будущее, то и тогда стыдится и краснеет. Впрочем, нет человека, который не боялся бы

суда, будет ли он язычник, или иудей, или еретик. Если он не думает о будущем, то боится и трепещет за здешнее, чтобы не испытать несчастья в деньгах, или в детях, или в домашних, или в душе, потому что много подобного посылает Бог. Так как учение о воскресении не может образумить всех, то Бог еще здесь дает и являет нам много знаков Своего правосудия. Такой-то корыстолюбец не имел детей, такой-то пал на войне, иной был изувечен, другой потерял сына. Все это он знает и представляет себе, и потому находится в постоянном страхе. Или вы не знаете, как страдают люди несправедливые, и как это неприятно? Если бы даже они и не испытывали ничего такого, то не все ли презирают их? Не все ли ненавидят? Не все ли отворачиваются? Не все ли называют их безумнейшими диких зверей, даже и сами (подобные им) нечестивцы? Если они осуждают самих себя, то еще более другого, называя его хищником, корыстолюбцем, злодеем. Что же приятного в корыстолюбии? Ничего, кроме того, что увеличивается беспокойство о сохранении богатства, умножаются заботы и печали; чем больше кто накапливает богатства, тем сильнейшую наживает себе бессонницу. А что сказать о проклятиях и жалобах обиженных? Что, если случится болезнь? Нет, подлинно нет человека, который бы, находясь в болезни и не имея возможности сделать что-нибудь, не беспокоился и не мучился, хотя бы он был безбожнейшим из всех. Пока мы живем здесь, сладострастная душа чуждается всего прискорбного; а когда наступает ей время разлучиться с телом, тогда великий страх овладевает ею, как бы вступающею в самое преддверие судилища. И разбойники, пока остаются в темнице, живут без страха, а когда приведут их к самой завесе (на место суда), тогда они теряются от страха. Действительно, когда наступит страх смерти, то он, как огонь, пожигает все другое и заставляет душу образумиться и позаботиться о будущем; ею уже не владеет тогда ни желание богатства, ни страсть корыстолюбия, ни сладострастие; все это проходит как облако, внутренний судия делается чистым, и объявляя душу скорбь смягчает ее ожесточение. Ничто так не препятствует любомудрию, как жизнь в удовольствиях; напротив скорбь способствуете любомудрию. Представь, что будет тогда с корыстолюбцем. «Минутное страдание, – говорит (Премудрый), – производит забвение утех» ([Сир.11:27](#)). Каково ему будет вспомнить об ограбленных им, обиженных, пострадавших от его любостязания? Каково будет видеть, как другие наслаждаются корыстию, а он сам готовится к принятию казни? Невозможно, поистине невозможно, чтобы впавший в болезнь не подумал об этом; часто в таких случаях душа, потерявшись и мучась, содрогается. Какова же, скажи мне, эта мука? Она

необходимо бывает при всякой болезни. А чего не вытерпит он, увидев, как наказываются другие, как они умирают? И это здесь; а что будет там, невозможно и выразить словами, какое там будет воздаяние, какие наказания, какие мучения, какие терзания. Потому мы говорим: «кто имеет уши слышать, да слышит» (Лук.8:8)! Мы часто говорим об этом, не желая говорить об этом часто, но будучи к тому вынуждены. Мы хотели бы, чтоб нам не было необходимости и начинать речь об этом; если же невозможно не начинать ее, то, по крайней мере, хотели бы малым лечением избавить вас от болезни и возвратить к здоровью; но когда вы упорствуете в болезни, то было бы низко и жалко оставить лечение, даже было бы жестоко и бесчеловечно. Если врачей, отчаивающихся в исцелении тела, мы просим и говорим им: не оставляйте нас, не переставайте употреблять свои меры до самого последнего вздоха, – то не тем ли более мы должны побуждать самих себя? Может быть, иной, уже дошедши до самых врат ада и до преддверия самой глубины зол, будет в состоянии опомниться, восстать, укрепиться и получить жизнь вечную. Сколько людей, выслушав увещания десять раз, не приходят в чувство раскаяния, а потом обращались от одного увещания? Или, лучше сказать, не от одного, потому что хотя они оставались нечувствительными при прежних десяти, однако получали от них пользу и потом зараз показали весь плод. Дерево, получив десять ударов и не упавши от десяти, вдруг все падает от одного, потом нанесенного, удара; но собственно не от одного, а от десяти происходит следствие последнего удара; кто смотрит на корень, тот видит это, а кто смотрит сверху на ствол, тот ничего такого видеть не может. Так и здесь. И врачи часто дают множество лекарств, не принося пользы, а потом кто-нибудь, давши свое лекарство, исправляет все; но это не есть дело его одного, а также и прежних, уже подействовавших на болезнь. Так и мы, если не покажем плодов слушания ныне, то покажем после; а что мы покажем их, в этом я совершенно уверен. Невозможно, поистине невозможно, чтобы осталась бесплодною такая любовь, такая ревность ваша к слушанию, – да не будет этого, но все мы, удостоившиеся слышать заповеди Христовы, да сподобимся вечных благ.

Беседа 6

[2 Тим.2:20, 21](#). А в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и одни в почетном, а другие в низком употреблении. Итак, кто будет чист от сего, тот будет сосудом в чести, освященным и благопотребным Владыке, годным на всякое доброе дело.

Рабу Божию следует уклоняться от состязаний. – Кто уловлен диаволом хотя бы отчасти, тот находится в его власти всецело. – Увещание к милостыни.

1. Многих и теперь еще смущает вопрос: почему остаются, а не погибают злые люди? Есть на это много и других причин, напр. – чтобы они покаялись, чтобы для других были примером наказания; но здесь Павел представляет причину, близкую к предмету его речи³: «в большом доме, – говорит, – не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные». Этим он выражает, что как в большом доме обыкновенно бывают весьма различные сосуды, так и здесь, во всей вселенной; не о Церкви он говорит, но о всем мире. Не разумея здесь Церкви; он не желает, чтобы в ней был какой-нибудь сосуд деревянный или глиняный, но чтобы все были золотые и серебряные там, где тело Христово, где чистая дева, не имеющая скверны или порока. Смысл слов его следующий: не смущайся, что есть люди злые и нечестивые; и в большом доме бывают разные сосуды. Что же? Они, говорит, пользуются не одинаковой честью, но одни в почетном употреблении, а другие в низком. Но, скажешь, в доме и последние сосуды служат для какого-нибудь употребления, а (злые люди) в мире не так? Нет, и им Бог дает, если не такое, то другое употребление, – например, тщеславный многое строит, человек любостыжательный, купец, торговец, начальник – у всех их есть в мире дела, им свойственные. Золотой же сосуд не служит ни к чему подобному, но употребляется за царским столом. Итак, не то (апостол) говорит, что зло необходимо, – нет, – но что и злые имеют свое дело. Если бы все были золотыми и серебряными, то в тех не было бы нужды; например, если бы все были выносливы, то не было бы нужды в зданиях; если бы все чуждались сластолюбия, то не было бы нужды в изысканных кушаньях; если бы все заботились только о необходимом, то не было бы нужды в великолепных жилищах. «Кто будет чист от сего, тот будет сосудом в чести». Видишь ли, что быть золотым или глиняным зависит не от

природы или вещественной необходимости, а от нашей воли? В природе глиняный сосуд не может сделаться золотым, и золотой не может сделаться столь низким, как глиняный; а здесь (в душах людей) бывает великая перемена и превращение. Павел был глиняным сосудом, но стал золотым; Иуда был золотым сосудом, но стал глиняным. Таким образом, нечистота делает людей глиняными; прелюбодей, корыстолюбец – глиняные. Как же (апостол) говорит в другом месте: «сокровище сие мы носим в глиняных сосудах» ([2 Кор.4:7](#)), и, следовательно, не унижает глиняного сосуда, но воздает ему честь, признавая его способным вмещать в себе сокровище? В этом месте он указывает на самую природу, а не на вид вещества. Смысл слов его следующий: тело наше глиняный сосуд; как глиняный сосуд не что иное, как обожженная глина, так и тело наше не что иное, как земля, скрепляемая теплотою души. А что оно глиняный сосуд, это очевидно: как глиняный сосуд, упавши, разбивается и рассыпается, так и тело, подвергшись смерти, разрушается. Чем отличаются от черепков наши кости, которые также тверды и сухи? Чем отличается плоть от глины? Разве и она не из воды? Почему же там, как я сказал, (апостол) не унижает скудельного сосуда? Там он говорит о природе (нашего тела), а здесь о свободной воле. «Кто, – говорит, – будет чист от сего; не сказал: будет очищать, но: будет чист, т. е. очистит совершенно. Тот будет сосудом в чести, освященным и благопотребным Владыке». Следовательно, те сосуды негодны, хотя и служат к некоторому употреблению. «Годным на всякое доброе дело». Хотя он еще и не делает, но он пригоден, способен. Итак, должно быть готовым на все, даже на смерть, даже на мученичество; должно приготовиться и к девству, и ко всему подобному.

«Юношеских похотей убегай» ([2Тим.2:22](#)). Юные – это похоти не только соединенные с блудом, но всякое неуместное пожелание есть «юношеская похоть». Пусть выслушают это старцы: им не должно делать того, что свойственно юношам. Гневлив ли кто-нибудь, или властолюбив, или корыстолюбив, или сластолюбив, или предан чему-либо, другому подобному, – все это юношеская, безрассудная похоть, свойственная нетвердому сердцу и не глубокому, но легко увлекающемуся разуму. Итак, чтобы никто не предавался этому, что внушает (апостол)? Юношеских мечтаний убегай; «а держись правды, веры, любви, мира со всеми призывающими Господа от чистого сердца». «Правдою» он называет вообще добродетель, благочестие в жизни, веру, любовь, кротость. Что значит: «со призывающими Господа от чистого сердца»? Он как бы так говорит: доверяй не всем призывающим (Господа), но только таким, которые призывают его непритворно, нелицемерно, не имеют никакого

коварства, приступают с миром, не склонны к распрям; с ними сообщайся; с другими же не следует быть кротким, но – только соблюдать мир, сколько зависит от тебя самого. «От глупых и невежественных состязаний уклоняйся, зная, что они рождают ссоры» ([2Тим.2:23](#)).

2. Видишь ли, как (апостол) везде отклоняет (Тимофея) от состязаний? Это не потому, чтобы он не был способен опровергать их; он был способен; а если бы не был, то сказал бы ему: старайся сделаться способным к опровержению их, – подобно тому, как он сказал: «Вникай в себя и в учение; ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя» ([1Тим.4:16](#)). Но (апостол) знал, что совершенно бесполезно и вступать в такие состязания, и что они оканчиваются ничем иным, как ссорой, враждою, оскорблением и злословием. Таких состязаний отрицайся. Следовательно, есть и другие состязания, напр., касательно Писаний и тому подобных предметов. «Рабу же Господа не должно ссориться» ([2Тим.2:24](#)). Не должно ссориться и при состязании: рабу Божию должно быть далеким от ссор. Если Бог есть Бог мира, то раб Бога мира как может ссориться? «Но быть приветливым ко всем». «Рабу же Господа, – говорит, – не должно ссориться, но быть приветливым ко всем». Почему же он говорит: «обличай их со всякою властью» ([Тит.2:15](#)); и здесь опять: «Никто да не пренебрегает юностью твоею» ([1Тим.4:12](#)); и еще: «обличай их строго» ([Тит.1:13](#))? Потому, что и это – дело кротости. Сильное обличение, когда оно делается с кротостию, особенно может трогать. Гораздо скорее можно тронуть кротостию, нежели пристыдить строгостию. «Учительным», т. е. для всех, желающих учиться, так как он же говорит: «Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся» ([Тит.3:10](#)). «Незлобивым». Хорошо прибавил он это: учителю особенно нужно иметь незлобие; иначе все будет тщетно. Если рыболовы, часто и целый день бросая сети и ничего не поймав, не приходят в отчаяние, то тем более (не должно отчаиваться) нам. Смотри, в самом деле, что бывает. Часто случается, что плуг слова, действуя непрерывным внушением, входит во глубину души и истребляет овладевшую ею страсть. Кто слушал тысячу раз, тот должен что-нибудь почувствовать; невозможно, чтобы человек, слушая непрерывно, нисколько не почувствовал. Таким образом, может случиться, что человек, уже готовый убедиться, потеряет все от нашего нетерпения, и произойдет то же, как если бы кто-нибудь, неискусный в земледелии, насадив виноград и окопав его в первый год, и во второй, и в третий в надежде получить плоды, но не получив их и потеряв надежду по прошествии трех лет, оставил бы его в четвертый год, именно тогда, когда должен был получить воздаяние за труды свои. Сказав:

«незлюбивым» (апостол) не довольствуется этим, но присовокупляет: «с кротостью наставлять противников» (2Тим.2:25). Здесь особенно нужно учителю поступать с кротостию; душа, имеющая нужду в наставлении, не может принять что-нибудь полезное, когда оно преподается со строгостию и бранью, и хотя готова слушать, но, будучи приведена в недоумение, не усвоит ничего. Тот, кто хочет научиться чему-нибудь полезному, прежде всего, должен быть расположен к учителю; если же это предварительно не устроено, то не может произойти ничего надлежащего или полезного; никто не может быть расположен к человеку, который сердится и бранится. А как же (апостол) говорит: «Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся»? Это он говорит о человеке неисправимом, о котором известно, что он болен неизлечимо. «Не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю» (2Тим.2:26). Смысл этих слов следующий: может быть, и будет какое-либо исправление. Выражение: может быть – употребляется о предметах неизвестных в точности; следовательно, нужно отступать только от тех людей, о которых мы можем точно сказать и о которых мы убеждены, что они не исправятся, какие бы меры ни были употребляемы. «С кротостию», – говорит. Видишь ли, как должно приступать к желающим научиться, и не нужно оставлять собеседования с ними прежде их убеждения? «Который уловил их в свою волю». Хорошо сказал: «Который уловил», потому что они пока еще плавают в заблуждении. Заметь, как он научает смиренномудрию, Не сказал: может быть, ты будешь в состоянии, но: «Не даст ли им Бог, чтобы они освободились», если и произойдет что-нибудь, все принадлежит Господу; ты насаждаешь, ты поливаешь, а Он сеет и устрояет плодopиношение. Поэтому не будем думать, будто мы сами убедили кого-нибудь, хотя бы и убедили. «Который уловил, – говорит, – их в свою волю». Это нужно разумеать не об учении только, но и о жизни, так как воля Божия та, чтобы мы жили праведно. Некоторые по жизни своей находятся в сети диавола: и о таких людях не должно отчаиваться. «Чтобы они освободились, – говорит, – от сети диавола, который уловил их в свою волю». Слова: «не даст ли» выражают великое долготерпение; а не исполнять волю Божию значит быть в сети дьявольской.

3. Как воробей, хотя бы он не всем телом попал в сеть, но только одною частию, напр., ногою, находится во власти поставившего сеть, так и мы находимся во власти диавола, хотя бы уловлены были им не всецело – и по вере, и по жизни, но только по жизни. «Не всякий, говорящий Мне, – говорит Христос, – Господи! Господи!, войдет в Царство Небесное»; и

еще: не знаю «вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» ([Мф.7:21, 23](#)). Видишь ли, что вера не доставляет нам никакой пользы, если нас не знает Владыка? И девам то же сказано: «не знаю вас» ([Мф.25:12](#)). Какая же им польза от девства и многих подвигов, если их не знает Владыка? И во многих местах мы находим, что люди, нисколько не осуждаемые за веру, наказываются только за порочную жизнь; и, напротив, иногда люди, нисколько не осуждаемые за жизнь, погибают за неправое учение потому, что то и другое держится взаимно. Видишь ли, что мы находимся в сети дьявольской, когда не исполняем воли Божией? И не только за всю жизнь, но и за один порок люди часто ввергаются в геенну, если у них нет других равносильных добрых дел. Так и девы были осуждены не за блуд, или прелюбодеяние, или зависть, или вражду, или пьянство, или неправоверие, но за недостаток елєя, т. е. за то, что не творили милостыни: это именно значит елей. И те осужденные, которым сказано: «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный», также были обвиняемы не в чем-нибудь подобном, но в том, что не напитали Христа. Видишь ли, что и один недостаток милосердия может ввергнуть в огонь гееннский? К чему, скажи мне, будет годен тот, кто не творит милостыни? Ты постишься каждый день? Но и те девы постились, однако не получили отсюда никакой пользы. Молишься? Но что в этом? Без милостыни и молитва бесплодна. Без нее все нечисто, все бесполезно; без нее теряется большая часть добродетели. «Не любящий брата своего, – говорит (апостол), – не познал Бога» ([1 Ин.3:10, 4:8](#)); как же ты любишь его, если не хочешь поделиться с ним чем-нибудь из этих малых и ничтожных благ? Ты соблюдаешь, скажи мне, целомудрие? Почему? Потому ли, что боишься мучений? Нет, но потому, что таков ты от природы; если бы ты соблюдал целомудрие по страху мучений, преодолевая такое побуждение и такое насилие (природы), то ты гораздо более мог бы творить милостыню. Ведь не все равно – обуздывать страсть к богатству, или к телесным удовольствиям; последнее гораздо труднее. Почему? Потому, что последнее – удовольствие естественное, посеянное и насажденное в нашем теле; а страсть к богатству не такова.

Милосердие и сострадание – вот чем мы можем уподобиться Богу; а когда мы не имеем этого, то не имеем ничего. Не сказал (Господь): если станете поститься, то будете подобны Отцу вашему; не сказал: если станете соблюдать девство, или: если станете молиться, то будете подобны Отцу вашему. Все это не относится к Богу, и Бог не делает ничего такого. Но что? «Будьте милосерды, – говорит, – как и Отец ваш милосерд, который на небесах» ([Лк.6:36](#)). Это – дело Божее, если же ты не имеешь

этого, то что же имеешь? «Милости хочу, – говорит Он, – а не жертвы» ([Ос.6:6](#)). Бог сотворил небо, сотворил землю, море, – велики эти дела и достойны его премудрости. Но ничем Он так не расположил к себе человеческий род, как милосердием и человеколюбием; и это – есть дело Его премудрости, силы и благодати, но гораздо более то, что Он сделался рабом. Не поэтому ли мы более удивляемся ему? Не поэтому ли более благоговеем пред Ним? И Бога ничто столько не располагает к нам, как милосердие. Об этом много говорят непрестанно все пророки. Говоря о милосердии, я разумею не то, которое соединено с любостязанием; это не милосердие. Корень терновника никогда не производил елеса, но производит его корень масличного дерева; точно так и милосердия не рождает ни корень любостязания, ни неправды, ни хищения. Не унижай милостыни, не подавай повода всем порицать ее. Если ты похищаешь для того, чтобы благодетельствовать, то ничего не может быть хуже такой милостыни. Когда она происходит от хищения, то она не милостыня; это – какая-то жестокость и свирепость; это – оскорбление Бога. Если Каин так оскорбил Бога, принеся в жертву маловажнейшее из своей собственности, то как оскорбит его приносящий чужое? Приношение есть не что иное, как жертва, – очищение, а не осквернение. Ты не смеешь молиться с грязными руками; неужели же не считаешь страшным – приносить Богу грязь и нечистоту хищения? Рукам ты не позволяешь оставаться в грязи и нечистоте, но сначала очистишь их, а потом уже приносишь; между тем эта грязь не составляет никакого преступления, а та достойна осуждения и порицания.

4. Итак, будем заботиться не о том, чтобы молиться и приносить чистыми руками, но и о том, чтобы приносимое было чисто. Иначе будет смешно так же, как если бы кто, вымывши поднос, наполнил его нечистыми дарами: разве это не забавно и не смешно? Пусть будут чисты руки; а они будут чисты, когда мы омоем их не только водою, но наперед и правдою: вот что очищает руки. Если же мы наполнены неправды, то, хотя бы ты омывал руки тысячу раз, не будет никакой пользы. «Омойтесь, – говорит (пророк), – очиститесь» (Иса.1:16). И что? Прибавил ли он: идите на источники, ступайте в бани, на пруды и на реки? Нет, – но что? «Удалите злые деяния ваши от очей Моих»; это и значит: «очиститесь». Вот что избавляет от нечистоты, вот истинная чистота! Чистота телесная не приносит большой пользы, а чистота душевная доставляет нам дерзновение пред Богом. Ту могут иметь и прелюбодеи, и воры, и убийцы, и сластолюбивы, и развратники, и блудники, и блудницы, последние по преимуществу: они больше всех заботятся о чистоте тела, постоянно намащая себя миром и «украшая гроб» свой («уподобляетесь окрашенным

гробам» ([Мф.23:27](#))); ведь их тело – гроб, внутри которого – мертвая душа. Таковую чистоту и они могут иметь; внутренней же – не могут. Не важное дело, если ты вымоешь тело: это – очищение Иудейское, пустое и бесполезное, если нет очищения внутреннего. Положим, что кто-нибудь страдает гниением или ранами внутри, и пусть он оmyвает свое тело; какая будет польза, какие последствия? Если же имеющий гниющую рану в теле не может получить пользы от омовения и очищения поверхности, то какую пользу мы можем получить от чистоты телесной, когда гниение находится в душе? Никакой. Наши молитвы должны быть чисты; но молитвы не могут быть чистыми тогда, когда они истекают из души нечистой. Ничто не делает души столь нечистою, как любостяжание и хищение. Между тем есть люди, которые, совершив днем тысячи злых дел, вечером, вымывшись, входят в церковь и с великим дерзновением простирают руки, как бы освободившись от всех нечистот в воде для омовения. Если бы действительно было так, то мыться каждый день было бы весьма полезно; если бы действительно было так, если бы баня делала человека чистым и избавляла от грехов, то и я посещал бы ее непрестанно. Это забавно и смешно; это – шутки и детские игрушки. Бог отвращается не от нечистоты тела, а от нечистоты души: послушай, что Он говорит: «Блаженны чистые сердцем – телом ли? – нет, но – чистые сердцем, ибо они Бога узрят» ([Мф. 5:8](#)). А что говорит пророк? «Сердце чистое сотвори во мне, Боже» ([Пс.50:12](#)); и еще: «Смой злое с сердца твоего» ([Иер.4:14](#)). Видишь ли, как все это маловажно и бесполезно?

Великое благо – иметь навык в добрых делах. Когда душа приобрела навык, то не оставляет его и не решается приступить к молитве, прежде нежели исполнить свое обычное дело. Например: мы привыкли мыться и потом уже молиться, так что, не вымывшись, не делаем этого, и скорее не станем молиться, нежели сделаем это с невымытыми руками, как бы боясь оскорбить Бога и испытать угрызания совести. Если же такая маловажная привычка имеет такую силу, что непременно исполняется каждый день, то, приучив себя к милостыне и поставив себе постоянным правилом – никогда не входить с пустыми руками в дом молитвы, мы сделали бы доброе дело. Велика сила привычки и в добрых и в злых делах; она сама влечет нас, без всякого труда с нашей стороны. Многие имеют привычку – непрестанно полагать на себе крестное знамение, и им уже не нужно, чтобы кто-нибудь напоминал об этом, и часто бывает, что тогда как ум блуждает где-нибудь, рука, побуждаемая привычкою, как бы живым учителем, сама поднимается сделать это знамение. Некоторые приучили себя не клясться, так что не сделают этого ни волею, ни неволею.

Приобретем же и мы себе привычку – творить милостыню. Какие не стоило бы предпринять труды, чтобы приобрести это врачество? В самом деле, скажи мне, если бы не было утешения в милостыне, то, как горько плакали бы мы, совершив множество грехов и сделав себя достойными наказания? Не говорили ли бы мы: все мы отдали бы, если бы деньгами можно было очистить грехи; не пощадили бы имущества, если бы деньгами можно было отвратить гнев Божий? Если мы поступаем так во время болезни и при смерти говорим: если бы можно было откупиться от смерти, мы отдали бы все свое имущество, – то тем более нужно – здесь. Но посмотри, какво человеколюбие Божие: Он дал тебе возможность – откупиться от смерти не временной, а от смерти вечной. Покупай, говорит Он, не эту краткую жизнь, но ту жизнь – вечную; ту Я продаю тебе, а не эту, и не обманываю тебя. Если ты возьмешь эту, то ничего не возьмешь; я знаю, что важна та жизнь. Не так поступают торговцы и продавцы жизненных припасов; они позволяют себе обманывать, кого хотят, и дают малое за большое. Но Бог поступает не так; Он за малое дает гораздо большее. Скажи мне: если бы ты пришел к торговцу, у которого лежат два камня – один дешевый, а другой драгоценный и составляющий значительное богатство, и, отдав цену за малый, получил бы большой, то стал ли бы ты осуждать торговца? Конечно, нет, а напротив стал бы удивляться ему. Так и здесь предстоят две жизни – временная и вечная; продает их Бог; продает нам последнюю, а не первую; неужели же мы будем жалеть, подобно неразумным детям, что получаем драгоценнейшее? Но разве можно, скажешь, купить жизнь вечную деньгами? Да, когда мы отдаем свое, а не чужое, когда не похищаем у других. Но оно, скажешь, уже мое, Нет, похищенное не твое, а принадлежит тому, у кого похищено; оно чужое, хотя бы тысячу раз ты назывался его владельцем. Когда ты получаешь что-нибудь в залог, то, пока вверивший тебе находится в отсутствии, оно не твое, хотя и лежит у тебя. Если же то, что дается нам в залог вверяющими добровольно и с благодарностью, не есть наше, даже и тогда, когда находится у нас, то тем более не наше то, что мы похищаем у других насильно и против их воли. Он, другой – владелец этого имущества, хотя бы оно тысячу раз находилось у тебя. Истинно наше есть добродетель, а богатство не только чужое, но и наше – не наше; сегодня оно наше, а завтра не наше. Добродетель же – наша; она не отнимается, как имущество, но у всех, у кого есть, остается всецело. Будем же приобретать ее, а богатство презирать, чтобы получить нам истинные блага, которых да сподобимся все мы.

Беседа 7

[2Тим.3:1–7](#). Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся. К сим принадлежат те, которые вкрадываются в дома и обольщают женщин, утопающих во грехах, водимых различными похотями, всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины.

Развращение в последние дни. – О дружбе Ионафана с Давидом. – Наставление вдовицам.

1. В первом послании (апостол) говорил: «Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры» ([1 Тим.4:1](#)), и в другом месте того же послания предсказывал нечто подобное, имеющее быть впоследствии. Здесь он опять повторяет то же самое: «Знай же, – говорит, – что в последние дни наступят времена тяжкие», и доказывает это не только будущими событиями, но и прошедшими: «Как, – говорит, – Ианний и Иамврий противились Моисею» ([2Тим.3:8](#)); равно как и собственными суждениями: «в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные» ([2 Тим.2:20](#)). Для чего же он делает это? Для того чтобы Тимофей, или кто-нибудь из нас, не смущался, когда будут злые люди. Если, говорит, они были при Моисее и будут после, то несколько неудивительно, что они бывают и при нас. «В последние дни наступят времена тяжкие». Не дни или времена осуждает он, но людей, которые тогда будут, Так и мы имеем обыкновение называть времена худыми и не худыми, по свойству дел, совершаемых в течение их людьми. Тотчас же он указывает и причину. Корень и источник всех зол, от которого все они происходят, – чрезмерное самолюбие. Преданный этой страсти не наблюдает даже и за своими делами. Кто не думает о ближнем, не заботится об его делах, тот будет ли заботиться о своих? Как заботящиеся о ближнем хорошо устроят вместе с его делами и свои собственные, так презирающий дела ближнего будет презирать и свои, собственные. В самом деле, если мы – члены друг друга, то спасение ближнего касается не его только, но всего тела, и бедствие ближнего не ограничивается им одним, но причиняет боль и всему телу. Если мы – здание, то, когда

страдает одна часть, повреждается и все здание, а когда она тверда, то может держаться и все прочее. Так и в Церкви. Ты оказал презрение брату? Этим ты причинил вред самому себе. Почему? Потому, что твой член потерпел немалый вред. Если не уделяющий ближнему из своего имущества ввергается в геенну, то видящие ближнего в существеннейшей опасности и не подающие ему помощи тем более подвергнется наказанию, чем важнее испытанный вред.

«Ибо люди, – говорит, – будут самолюбивы». Кто самолюбив, тот в особенности и не любит себя; а кто братолюбив, тот и любить себя гораздо более. Отсюда происходит сребролюбие. Зараза и ограниченность самолюбия сокращает и умаляет любовь, которая широка и простирается на всех.

«Сребролюбцы.» Отсюда происходит гордость, от гордости – надменность, от надменности – злоречие, от злоречия – непокорность и неверие. Действительно, надмевающиеся пред людьми легко будут надмеваться и пред Богом. Так рождаются грехи; они часто восходят снизу вверх. Кто почтителен к людям, тот будет тем более благоговеть пред Богом; кто послушен подобным себе рабам, тот будет тем более покорен Владыке; а кто презирает подобных себе рабов, тот постепенно дойдет и до презрения самого Бога. Не будем же презирать друг друга. Это худая наука, которая научает нас презирать Бога; и даже тем самым, что мы презираем друг друга, мы уже оказываем презрение к Богу, который повелел нам иметь великое попечение друг о друге. Если хотите, я поясню это иначе, – примером. Каин презрел брата, и тотчас же оказал презрение и к Богу. Каким образом? Посмотри, как оскорбительно отвечает он Богу: «разве я сторож брату моему» ([Быт.4:9](#))? Также Исав презрел брата, и оказал презрение и к Богу. Поэтому и сказал Бог: «Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел» ([Рим.9:13](#)). Потому и Павел говорит: «чтобы не было между вами какого блудника, или нечестивца, как Исав» ([Евр.12:16](#)). Презирали Иосифа братья, оказали презрение и к Богу. Презирали израильтяне Моисея, оказали презрение и к Богу. Также сыновья Илия презирали народ, оказали презрение и к Богу. Хочешь ли видеть примеры противного? Авраам был снисходителен к племяннику, был послушен и Богу, как видно из послушания его касательно сына Исаака и из всех прочих его добродетелей. Также и Авель, будучи кроток в отношении к брату, был благочестив и в отношении к Богу. Не будем же презирать друг друга, чтобы нам не научиться презирать и Бога; будем почитать друг друга, чтобы нам научиться почитать и Бога. Дерзкий в отношении к людям становится дерзким и в отношении к Богу. А когда сребролюбие,

самолюбие и непокорность соединяются вместе, то чего еще не достает для совершенной гибели? Тогда все разворачивается и образуется огромное болото грехов.

«Неблагодарны», – говорит. Действительно, как может быть благодарным сребролюбец? Кому будет он воздавать благодарность? Никому. Он считает всех своими врагами, желая у всех отнять все. Хотя бы ты отдал ему все свое имущество, он не изъявит тебе никакой благодарности, но будет досадовать, что ты не имел большего богатства и не сделал его обладателем большего. Хотя бы ты сделал его владыкою вселенной, он не изъявит тебе благодарности, но будет думать, что он ничего не получил. Его желание ненасыσιμο, потому что это – болезненное желание, а болезненные желания всегда таковы.

2. Как страдающий горячкою никогда не может напиться, но постоянно чувствует жажду и никогда не утоляет желания пить, так и одержимый страстью к богатству никогда не может насытить своего желания. А не насыщаясь никогда, он не будет и благодарен тебе, сколько бы ты ни давал ему. Он будет благодарен только тому, кто даст ему столько, сколько он желает; но этого никто не может сделать, потому что желание его безмерно; следовательно, он и не может быть никому благодарным. Нет человека столь неблагодарного, как сребролюбец; нет столь бесчувственного, как корыстолюбец; он враг всей вселенной; он досадует, что существуют (другие) люди; он желает, чтобы везде была пустыня и чтобы он один обладал всем; и многое подобное он думает. О, если бы, говорит он, случилось в городе землетрясение, и все были бы поглощены землею, а я один остался бы и взял бы, если возможно, имущество всех; о, если бы наступила зараза, и погубила всех, не коснувшись золота; о, если бы случилось наводнение, или разлив моря! И множество подобных мыслей держит он в уме, а доброй – ни одной, и желает только землетрясение, пожаров, войн, моровых язв и тому подобного. Но скажи мне, жалкий, несчастный и презренный всякого раба, если бы все сделалось золотом, то не лишился ли бы ты золота, погибши от голода? Если бы случилось землетрясение, то при разрушении вселенной погиб бы и ты с своею пагубною страстью; если бы на земле не стало людей, то некому было бы готовить нужное и для твоей жизни.

Представим, – хотя это нелепо и невозможно, – представим, что все люди во вселенной вдруг исчезли, и их золото и серебро само собою перешло к тебе и все их богатство – золото, серебро, шелковые одежды, золотые вещи сами собою перешли в твои руки: какая будет тебе польза? Тогда скоро постигла бы тебя смерть, потому что не стало бы ни

хлебников, ни земледельцев, умножились бы дикие звери, и бесы овладели бы твоею душою. И теперь обладают ею многие бесы; а тогда они свели бы тебя с ума и скоро погубили бы. Нет, скажешь, я не хотел бы этого; пусть будут и земледельцы, и хлебники. Но и они должны будут издерживать на себя что-нибудь? Нет, говоришь, я не хочу, чтобы они издерживали. Так ненасытима эта страсть! Что может быть ее смешнее? Видишь ли нелепость? Он хочет иметь у себя множество слуг, и скорбит, что они употребляют пищу, и тем уменьшают его имущество. Неужели, скажи мне, ты желаешь, чтобы люди были каменные? Все это смешно; это – волны, буря, вихрь, треволение и великое смятение в душе, которая постоянно алчет и постоянно жаждет. Не достоин ли такой человек, скажи мне, сожаления и слез? Есть телесная болезнь, подобная этому и весьма мучительная, называемая у врачей волчьим голодом, когда человек, принимая множество пищи, не перестает чувствовать голод; не достойна ли слез такая же болезнь в душе? Подлинно, сребролюбие есть волчий голод души, которая поглощает много, но никогда не удовлетворяется и постоянно мучится желанием. Если бы нужно было принимать чемерицу или испытать что-нибудь в тысячу раз неприятнейшее, чтобы избавиться от этой страсти, то не следует ли охотно решиться на все? Нет такого обилия богатства, которое могло бы наполнить ненасытное чрево. Не стыдно ли после этого нам, когда иные так неистово пристрастны к богатству, а мы не показываем даже малейшей части такой любви в отношении к Богу, так что Бог для нас малоценнее денег? Для денег люди переносят и бессонные ночи, и путешествия, и непрестанные опасности, и ненависть, и обиды, и все; а для Бога мы не хотим даже сказать слово, или навлечь на себя чей-нибудь гнев; если нужно защитить кого-нибудь из притесняемых, то, боясь гнева властителей и неприятностей, мы предаем обижаемого; получив от Бога силу – подавать помощь, мы теряем ее, не желая подвергнуться чьей-нибудь вражде или ненависти. Многие при этом ссылаются на пословицу, которая говорит: пусть любят тебя напрасно, а не ненавидят напрасно. Но здесь разве напрасной ты подвергаешься ненависти? Что может быть лучше такой ненависти? Ненависть за Бога гораздо лучше любви за Него; когда любят нас для Бога, то мы делаемся должниками Его за такую честь, а когда ненавидят нас, то Он сам делается должником, за которым остается наша награда. Сребролюбцы, сколько бы ни любили богатства, не знают меры в любви; а мы, сделав что-нибудь малое для Бога, думаем, что уже сделали все. Мы не любим Бога так, как они любят золото, и даже на малейшую часть того. Великого осуждения достойны они, что столь неистово пристрастны к золоту; великого

осуждения достойны и мы, что не так же пристрастны к Богу, что не воздаем Владыке всех такой же чести, какую они воздают земле, – ведь золотой металл – та же земля.

3. Посмотрим на их безумие, и сами устыдимся. Что из того, что мы не горим страстью к золоту, если мы и Богу не молимся усердно? Для золота люди забывают о жене, о детях, о жизни и самом своем спасении, притом не зная, умножат ли они свое богатство, потому что многие, после напрасных трудов, среди самых надежд, испускали дух и умирали; а мы знаем, что получим желаемое, если будем любить Бога, как следует любить, и, однако, не любим, но оскудели во всем – и в любви к ближнему, и в любви к Богу, – в любви к Богу потому, что (оскудели) в любви к ближнему. Действительно, человек, не знающий любви не может, поистине не может иметь благородных и великодушных чувствований. Основание всего доброго есть не что иное, как любовь. На ней, говорит Господь, «утверждается весь закон и пророки» ([Мф. 22:40](#)). Как огонь, попавши в лес, обыкновенно очищает все, так и жар любви, если разгорится в ком-нибудь, то очищает и истребляет все, вредное для Божественного семени, и делает землю чистою для принятия этого семени. Где любовь, там истребляется все злое, там нет ни сребролюбия – корня зол, ни корыстолюбия, ни гордости, потому что может ли кто гордиться пред человеком любимым? Ничто не делает столь смиренным, как любовь. Существам любимым мы служим, как рабы, и не стыдимся, но еще благодарим их за такое рабство; для них мы не щадим своих денег, а иногда и телесных сил, – случалось, что за любимого подвергались опасностям. Где любовь, там нет ни зависти, ни злословия; мы не только сами не злословим любимых, но заграждаем уста и другим, злословящим их; там все тихо, все спокойно, нет и следа разногласия и ссор, все исполнено мира: «любовь есть исполнение, – говорит (апостол), – закона» ([Рим.13:10](#)); при ней нет ничего, производящего неприятности. Почему? Потому, что самые грехи – любостяжание, хищение, зависть, злословие, надменность, клятвопреступление, ложь, все это исчезает там, где есть любовь. Клятвопреступники нарушают клятву, желая отнять что-нибудь у другого; но у любимого никто не станет отнимать, а отдаст ему и свое, и еще будет благодарен ему более, нежели получая от него. Это знаете вы, которые имели друзей, друзей не по имени только и по одному названию, но таких, которых любили, как должно, к которым были привязаны. А кто не знает этого, тот пусть спросит у знающих.

Я расскажу вам теперь пример дивной дружбы из Св. Писания. Ионафан, сын Саула, полюбил Давида, «душа Ионафана прилепилась к

душе его», ([1 Цар.18:1](#)), так что Давид оплакивая его, говорит: напала на меня любовь твоя, как «любовь женская»: до смерти ранен мне ([2 Цар.1:25, 26](#)). Что же? Завидовал ли он Давиду? Нет, хотя и имел причину завидовать. Какую? Он видел из обстоятельств, что царство перейдет к Давиду, и однако не чувствовал ничего подобного, не говорил: он лишает меня отцовского царства; но еще содействовал ему к получению власти и не щадил отца для друга. Не сочтите его отцеубийцею; нет, – он не оскорблял отца, но удерживал его от козней и несправедливостей; он более делал ему добра, нежели зла, не допуская его совершить несправедное убийство. Он неоднократно решался даже умереть за друга; не только не злословил его, но удерживал и отца от злословия; не только не завидовал, но и содействовал Давиду; не только давал ему деньги, но и спас ему жизнь. Что я говорю о деньгах? Он полагал за него душу свою. Он не боялся отца своего для друга, потому что тот решался на дела несправедные, а он не сознавал за собою ничего подобного. Такова была дружба его с праведником, таков был Ионафан. Посмотрим теперь и на Давида. Он не имел времени вознаградить Ионафана, который был похищен смертью прежде, нежели Давид получил власть; благодетель погиб прежде, нежели получивший благодеяния вступил на царство. Что же? Посмотрим, как праведник оказывал ему дружбу, насколько и чем было можно. «Сражен Ионафан на высотах твоих. Скорблю о тебе, брат мой Ионафан; ты был очень дорог для меня; любовь твоя была для меня превыше любви женской» ([2 Цар.1:25, 26](#)). Но только ли? Не маловажно и это; но, кроме того, помня любовь отца, он часто избавлял от опасностей его сына и внука; и постоянно защищал и сохранял потомков его, как бы своего сына. Таковую любовь желаю я, чтобы имели все и к живым, и к умершим.

4. Пусть выслушают те жены, – для них особенно я и прибавил: и к умершим, – которые вступают во второй брак и оскверняют ложе умершего мужа, любимого прежде. Я не осуждаю второго брака и не считаю его распутством, когда говорю так; это запрещает мне и налагает узду на уста мои Павел, который говорит женам: «если выйдет замуж, не согрешит» ([1 Кор.7:28](#)). Но посмотрим, что говорит он далее. «Блаженнее, если останется так» ([1 Кор.7:40](#)). Последнее гораздо лучше первого. Почему? По многим причинам. Если же совершенно не вступать в брак лучше, нежели вступать, то тем более вдовство лучше второго брака. Но, скажешь, некоторые не могли перенести вдовства и подверглись опасностям? Они не знали, что такое вдовство. Вдовство состоит не в том, чтобы не вступать во второй брак, подобно, как и девство не в том, чтобы

оставаться непричастным браку. Но в чем? Как там нужна благопристойность и постоянная скромность, так и здесь – уединение, постоянство в молитвах, удаление от роскоши и сластолюбия: «а сластолюбивая, – говорит (апостол), – заживо умерла» ([1 Тим.5:6](#)). Если ты, оставшись вдовою, хочешь иметь ту же роскошь, то же великолепие, то же одеяние, какие имела при муже, то лучше тебе выйти замуж, потому что не супружество – зло, а воздержание. Ты же, не делая того, что само по себе не зло, делаешь то, что не безразлично, но достойно осуждения. Потому и уклонились некоторые вслед сатаны, что не умели хорошо соблюдать вдовство. Хочешь ли узнать, что такое вдова и в чем состоит достоинство вдовы? Послушай Павла, который говорит: «если она воспитала детей, принимала странников, умывала ноги святым, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу» ([1 Тим.5:10](#)). Если ты, по смерти мужа, окружаешь себя роскошью богатства, то поистине ты не соблюдаешь вдовства. Переведи же это богатство на небо, и бремя вдовства сделается для тебя легким. Но что, скажешь, если у меня есть дети, наследники отцовского имения? Научи и их презирать богатство; переведи свое, выделив им столько, сколько нужно; учи и их быть выше имущества. Но, скажешь, меня окружают толпы рабов, множество дел, золота и серебра: как я могу сберечь все это без помощи мужа? Все это предлог и отговорка, как видно из многих обстоятельств. Если ты не привязана к богатству и не хочешь умножать своего имущества, то твое бремя легко; сохранять богатство гораздо легче, нежели приобретать. Если ты уничтожишь одно зло – желание приобретения, и из имения своего будешь помогать нуждающимся, то Бог оградит тебя Своею десницею; и если ты говоришь это, действительно заботясь о наследстве сирот, а не предаваясь под этим предлогом сребролюбию, то Испытующий сердца знает, как сохранить в безопасности богатство их, когда Он сам повелел воспитывать детей. Не может быть, поистине не может быть, чтобы дом, утвержденный на милостыни, потерпел какое-нибудь бедствие; а если и потерпит на время, то это послужит к его благу; это будет лучше оружия и щита для всякого такого дома. Послушай, что говорит диавол об Иове: «Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него» ([Иов.1:10](#))? За что? О том, послушай, как говорит сам Иов: «Я был глазами слепому, – говорит он, – и ногами хромому; отцом был я для нищих» ([Иов.29:15, 16](#)). Как тот, кто не отвращается от чужих несчастий, никогда не испытает страданий на самом себе, научившись сострадать другим, так и тот, кто не хочет переносить скорби сострадания, испытает все это на себе. Как в теле, если рука не будет сострадать загноившейся ноге, очищать ее рану, прилагать

лекарство и омывать гной, то сама испытает то же бедствие; если не хочет послужить другому члену, будучи свободна от страдания, то сама на себе испытает это страдание, – потому что зло, распространившись, достигнет и до нее, и ей должно будет заботиться уже не о служении другому члену, но о собственном исцелении и спасении, – так точно и здесь, кто не хочет сострадать другим, тот пострадает сам. «Оградил его, – говорит диавол, и дом его и все, что у него», и я не смею приступить к нему. Однако, скажешь, Иов потерпел бедствие. Но эти бедствия сделались для него причиною многих благ: сугубого имущества, большого воздаяния, высшего правосудия, светлых венцов, блистательных наград; духовные и житейские блага его умножились. Он лишился детей? Но опять получил не тех же самых, а других вместо тех, да и тех получит при воскресении. Если бы он опять получил тех же самых, то число детей его было бы меньше; а теперь, получив других вместо прежних, он представит и тех при воскресении. Все это произошло с ним потому, что он был усерден в раздаянии милостыни. Будем же так поступать и мы, чтобы нам сподобиться тех же благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

Беседа 8

[2 Тим.3:1–4](#). Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы.

Свойства человека неблагодарного. – Неизбежность скорбей и печали для благочестивых. – Почему в настоящей жизни Бог иногда наказывает порочных, иногда не наказывает.

1. Кто скорбит о том, что ныне есть еретики, тот пусть знает, что так было и издревле, что диавол всегда примешивал ложь к истине. В начале Бог обещал блага, и диавол пришел с обещаниями; Бог насадил рай, а диавол прельстил людей, сказав: «будете, как боги» ([Быт.3:5](#)); не показывал ничего на деле, он много обещал на словах. Таковы все обманщики! После того были Каин и Авель, потом сыны Сифовы и дочери человеческие, далее Хам и Иафет, Авраам и фараон, Иаков и Исав, и так до конца – Моисей и волхвы, пророки и лжепророки, апостолы и лжеапостолы, Христос и антихрист. Таким образом, и прежде было то же; и при апостолах были Февда, и Симон, и последователи Гермогена и Филита. Итак, нет времени, когда бы ложь не примешивалась к истине. Не будем же скорбеть; об этом предсказано издревле. Поэтому (апостол) и сказал: «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны».

Итак, неблагодарный вместе и нечестив; и справедливо. Каков, в самом деле, должен быть в отношении к другим тот, кто неблагодарен к благодетелю? Неблагодарный вероломен; неблагодарный недружелюбен. Клеветники, т. е. склонные к злословию. Люди, не сознающие за собою ничего доброго и находящие как бы утешение в порицании мнений других, много ошибаются и грешат. Невоздержны, и в языке, и в чреве, и во всем другом. Жестоки: эта жестокость и грубость бывает у того, кто сребролюбив, кто самолюбив, неблагодарен, сластолюбив. Не любящие добра, предатели, наглы. Предатели – дружбы; наглы, т. е. Не имеющие в себе ничего основательного. Напыщенны, т. е. исполненные надменности. «Более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся». Так и в послании к Римлянам (апостол)

говорит: «имеющий в законе образец ведения и истины» ([Рим.2:20](#)). Но там он говорит в похвалу, а здесь представляет это из всех недостатков самым тяжким грехом. Почему же? Потому, что употребляет одно и то же слово не в одном и том же смысле. Словом: «образ» он выражает иногда подобие, а иногда нечто бездушное и ничтожное. Например, сам он говорит в послании к Коринфянам: «Итак муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия» ([1 Кор.11:7](#)); а пророк говорит: «человек ходит подобно призраку» ([Пс.38:7](#)). Также словом: «лев» Писание выражает иногда царское достоинство: «лег, как лев и как львица: кто поднимет его» ([Быт.49:9](#))? – а иногда хищность: «как лев, алчущий добычи и рыкающий» ([Пс.21:14](#)). То же и мы делаем. Так как предметы сложны и разнообразны, то они справедливо изображаются многоразличными примерами и подобиями; например, когда мы хотим похвалить красивую женщину, то сравниваем ее с картиною; а когда хотим похвалить картину, то утверждаем, что она говорит, изъясняется. Но в этих случаях мы делаем не одно и то же: в первом выражаем, что женщина близка к изображению, а в последнем, – что изображение близко к красоте. Так и словом: «образ» (апостол) выражает там – образец, изображение, учение, первообраз благочестия, а здесь – нечто бездушное и мертвое, одну наружность, вид, лицемерие. Итак, вера без дел есть только наружный вид без силы; и справедливо. Как тело красивое и цветущее, но не имеющее силы, подобно нарисованному изображению, так и правая вера без дел. Представим, что какой-нибудь сребролюбец, предатель, или наглый человек содержит правую веру: что в этом пользы, если он не имеет ничего приличного христианину, если он не делает ничего свойственного благочестию, но превосходит язычников своим нечестием, если он служит заразою для близких к нему и поводом к хуле на Бога, если он позорит учение своими делами? «Таковых, – говорит (апостол), – удаляйся». Но если такие люди будут в последние времена, то как он говорит: «таковых удаляйся»? Вероятно, и тогда было несколько таких, хотя и не в такой степени нечестивых, но было. Несомненно же то, что чрез Тимофея он увещевает всех – удаляться от таких людей. «К сим принадлежат те, – говорит он, – которые вкрадываются в дома и обольщают женщин, утопающих во грехах, водимых различными похотями, всегда учащих и никогда не могущих дойти до познания истины» ([2 Тим.3:6–7](#)).

2. Видишь ли, как эти люди подражают древнему обольстителю, употребляют то оружие, которое диавол употребил против Адама? «Которые вкрадываются в домь». Видишь ли, как словом: «вкрадываются»

(апостол) выражает их бесстыдство, бесчестность, обман, обольщение? «И обольщают женщин». Итак, кто легко предается обольщению, тот – женщина, а не мужчина; предаваться обольщению свойственно женщинам, или лучше, не женщинам, а «женщинам, утопающим во грехах». Вот, отчего и они предаются обольщениям, – от грехов, оттого, что не знают за собою ничего доброго! И весьма точно сказал он: «утопающим», выражая этим множество грехов их, беспорядочность и непристойность. «Водимых различными похотями». Не природу он осуждает, – не просто сказал: женщин, но именно таких женщин. Что значит: «различными?» Здесь он разумеет многое: роскошь, бесстыдство, разврат. «Различными, – говорит, – похотями», т. е. корыстолюбием, славолубием, сластолюбием, тщеславием, честолюбием; а может быть, указывает и на другие постыдные пожелания. «Всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины». Для чего он говорит это? Не для того, чтобы оправдать их, но чтобы сильнее обличить. Они погрязли в этих похотях и грехах, и потому отупел их разум. «Как Ианний и Иамврий противились Моисею, так и сии противятся истине» ([2 Тим.3:8](#)). Кто были эти волхвы при Моисее, и почему имена их не упоминаются нигде в другом месте? Вероятно, они сохранились в неписаном предании, или открыты Павлу (Святым) Духом. «Так и сии, – говорит, – противятся истине, люди, развращенные умом, невежды в вере. Но они не много успеют; ибо их безумие обнаружится перед всеми, как и с теми случилось» ([2 Тим.3:9](#)). «Но они не много успеют», – говорит. Как же в другом месте он говорит: «еще более будут преуспевать в нечестии» ([2 Тим.2:16](#)); а здесь: «не преуспеют»? Там он утверждает, что еретики, начав вводить новизну и заблуждения, не останавливаются, но постоянно изобретают новые обольщения и неправые учения, потому что заблуждение никогда не останавливается. А здесь он утверждает, что они не обольстят, не увлекут (верующих), хотя сначала, по-видимому, и совращают некоторых, но сами будут обличены скоро. Это выражает он дальнейшими словами: «ибо их безумие обнаружится перед всеми». Каким образом? Всецело. «Как и с теми случилось». Заблуждения, хотя сначала и успевают, но до конца не остаются. Таково все то, что не по существу своему хорошо, а только кажется хорошим; оно на время успевает, а потом обнаруживается и погибает. Но не таково наше учение; и свидетель этому – ты (говорит апостол Тимофею); наше учение не ложь; кто ведь решится умереть за ложь? «А ты последовал мне в учении» ([2 Тим.3:10](#)). Потому будь тверд; ты не просто принял его, но «последовал». Здесь (апостол) выражает, что уже много прошло лет со времени обращения (Тимофея). «Последовал мне

в учении», – это сказано о слове. «В житии», – это о жизни. «В расположении», – это об усердии и расположении душевном. И я сам, говорит, не учил только, не на словах только любознательствовал, но исполнял и на деле. «В вере, великодушии» – ничто подобное, говорит, не смущало меня. «В любви», – которой те люди не имеют. «В терпении», которого они также не имеют. «В великодушии», которое я, говорит, много оказывал еретикам. «В терпении» – в гонениях. Изгнанием, страданием. Учителя смущают два обстоятельства: то, что есть множество еретиков, и то, что трудно терпеть мучения. Но об еретиках он уже говорил много, именно, что они и прежде были и будут, что нет времени, когда бы их не было, что они не могут несколько вредить нам, что в мире есть сосуды золотые и серебряные. Теперь же, как видишь, он беседует о страданиях. «Постигших меня в Антиохии, Икони, Листрах». Почему из многих мест он упоминает только об этих? Потому, что прочие были известны этому мужу (Тимофею); а может быть, потому, что он говорит о событиях новых, а не древних; и не исчисляет их всех порознь, – потому что он не был тщеславен и честолюбив; говорит не для прославления себя, а для утешения ученика. Он говорит здесь об Антиохии писидийской и Листре, откуда происходил Тимофей. «Каковые гонения я перенес». Двойное утешение: и в том, что я оказал мужественную ревность, и в том, что я не был оставлен; нельзя сказать, что Бог оставил меня, но Он уготовал мне светлейший венец. «Каковые, – говорит, – гонения я перенес, и от всех избавил меня Господь. Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» ([2 Тим.3:11, 12](#)),

3. Но что, продолжает (апостол), я говорю о себе? Каждый, желающий жить благочестиво, будет гоним. Под гонениями он понимает здесь скорби, печали. Подлинно, невозможно человеку, идущему путем добродетели, быть без печали, сетования, скорби, искушений. В самом деле, как это возможно тому, кто идет путем тесным и скорбным, тому, кто слышал: «в мире скорбь иметь будете» ([Ин.16:33](#)),? Если Иов в свое время говорит: «искушение житие человеку на земле, дни его не то же ли, что дни наемника?» ([Иов.7:1](#)), то не гораздо ли больше теперь? «Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь» ([2 Тим.3:13](#)). Пусть тебя несколько не смущает, говорит, если они благоденствуют, а ты подвергаешься искушениям; таков порядок вещей; из моего примера ты можешь видеть, что человеку, который борется со злом, невозможно не испытывать скорбей. Борцу невозможно предаваться неге, воину в сражении невозможно пиршествовать. Поэтому никто из находящихся в борьбе пусть не ищет покоя, не предается наслаждениям.

Настоящее время есть время борьбы, сражения, скорбей, вздыханий, есть поприще подвигов. Время покоя будет после; а теперь – время усилий и трудов. Никто, раздавшись и помазавшись для борьбы, не думает о покое. Если же ты ищешь покоя, то для чего и разделся, для чего устремляешь руки против врага? А разве мне, скажешь, не устремлять их теперь? Для чего же, если ты не воздерживаешь пожеланий, если не обуздываешь насилия природы? «А ты пребывай в том, – говорит, – чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен. Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса» ([2 Тим.3:14–15](#)). Что это значит? Как пророк Давид увещевал: «Не ревнуй злодеям» ([Пс. 36:1](#)), так и он увещевает: «ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено». Не простое, «чему научен», но: «что тебе вверено», т. е. чему ты твердо уверовал. Чему же я уверовал? Тому, что такова – жизнь. Не смущайся же, если ты увидишь противное тому, чему веруешь; и Авраам видел противное (своей вере), однако нисколько не смущался; он слышал, что «в Исааке наречется тебе семя» ([Быт.21:12](#)), между тем получил повеление заклать Исаака, и однако, не смутился и не усомнился. Итак, никто пусть не соблазняется злом; о нем Писание предсказало издревле. Но что, если бы добрые веселились, а злые наказывались? Одно может быть, но другое нет; злые могут терпеть наказание, но добрым постоянно радоваться невозможно. С Павлом никто сравниться не может; но и он проводил всю жизнь в скорби, в слезах, в рыданиях, днем и ночью. «Три года, – говорит он, – день и ночь непрестанно со слезами учил» ([Деян.20:31](#)); и еще: «был в опасности много раз» ([2 Кор.11:26](#)). Не так он жил, чтобы сегодня радоваться, а завтра скорбеть, но не переставал скорбеть ежедневно. Как же он говорит, что «злые же люди будут преуспевать во зле»? Он не сказал, что они наслаждаются покоем, но «будут преуспевать во зле»; это – преуспевание во зле; не сказал, что они будут благоденствовать. А когда они подвергаются наказанию, то наказываются для того, чтобы ты не думал, будто грехи остаются ненаказанными. Так как геенна не может удержать нас от зла, то (Бог), из сожаления к нам, сам удерживает и пробуждает нас.

Если бы никто из порочных не подвергнулся наказанию, то никто не думал бы, что над делами человеческими бодрствует Бог; а если бы все получали наказание, то никто не ожидал бы будущего воскресения, потому что все здесь получили бы воздаяние. Вот почему (Бог) и наказывает, и не наказывает.

Праведники здесь испытывают скорби потому, что они странники и пришельцы и находятся в стране чуждой. Таким образом, праведники

терпят бедствия для их испытания; послушай, в самом деле, что говорит Бог Иову: «хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя» ([Иов.40:3](#))? А грешники, когда терпят что-нибудь подобное, то в наказание за грехи свои. Итак, будем благодарить Бога за все, так ли Он делает, или иначе: то и другое полезно. Он ничего не делает с нами по ненависти, или по отвращению к нам, но посылает то и другое по вниманию и попечению о нас. «Из детства, – говорит (апостол), – знаешь священные писания», т. е. ты с раннего возраста изучил Священное Писание, – а священным Писанием он называет Божественные Писания, – на нем ты воспитан; и потому вера твоя должна быть твердою, и ничто не должно вредить ей; корень ее лежит глубоко и укрепился в течение долгого времени; потому ничто не может исторгнуть его. Сказав: «священные писания, – он прибавляет: которые могут умудрить тебя», т. е. не позволяющие тебе делать что-нибудь неразумное, как делают многие.

4. Тот, кто знает Писания, как должно знать, не соблазняется ничем случающимся, все переносит мужественно, иное принимает верою и приписывает непостижимому домостроительству Божию, а для иного видит основания и находит примеры в Писаниях. Не исследовать всего и не домогаться познания всего, это – ясный признак знания. Если хотите, я докажу это примером. Представим себе реку, или лучше, несколько рек, – говорю это не по предположению, а таковы действительно реки; не все реки равны по глубине, но одни мелки, а другие глубоки, так что незнающий может утонуть в них; в одних есть омуты, а в других нет. Поэтому хорошо поступает тот, кто не желает испытывать все реки без исключения, и нежелание его исследовать все глубины есть немалый признак знания. А кто хочет испытать каждую часть реки, те преимущественно и не знают свойства рек, и часто погибают, отваживаясь пускаться в глубину с тою же смелостью, с какою они проходили неглубокие реки. Так и относительно Бога, кто хочет знать все и дерзает исследовать все, тот особенно и не знает, что такое – Бог. Кроме того реки по большей части безопасны, а водоворотов и омутов в них бывает немного; в Боге же большая часть сокровенна, и исследовать дела Его невозможно. Что же заставляет тебя топить самого себя? Знай только то, что Бог устроит все, что Он промышляет обо всем, что мы свободны, что Бог иное совершает, а иное попускает, что Он не желает ничего злого, что не все бывает по Его воле, но иное и по нашей, именно все злое только от нас, а все доброе как от нас, так и от Его помощи, что от Него не укрывается ничто: так Он действует во всем! Зная это, смотри, что – доброе, что – злое, и что – безразличное, как-то: добродетель – добро,

порок – зло, богатство, бедность, жизнь, смерть – безразличны. Познав это, ты вместе с тем уразумеешь, что праведные страдают, чтобы получить венцы, а грешники – чтобы получить наказание за грехи; впрочем, не все грешники получают наказание здесь, чтобы иные не стали не верить воскресению; равным образом и праведные не все страдают, чтобы ты знал, что не порок достоин похвалы, а добродетель. Вот правила и законы; прилагай к ним, что угодно, и ты не будешь оставаться в недоумении. Как у грамматиков есть шеститысячное число, под которое все подводится и все можно определять и разлагать по этому правилу шести тысяч и около этого числа обращается все, – это знают те, которые учились грамматике, – так и здесь, кто знает эти правила, которые я опять кратко повторю, тот никогда не соблазнится. Какие же это правила? Следующие: добродетель – добро, порок – зло, а безразличны – болезни, бедность, козни против нас, клеветы и т. п.; праведные здесь страдают, а если некоторые из них и благоденствуют, то для того, чтобы добродетель не казалась страшною; злые (здесь) веселятся, чтобы получить наказание там, а если некоторые и (здесь) наказываются, то для того, чтобы зло не казалось добром и дела их безнаказанными; если же они наказываются не все, то для того, чтобы не утратилась вера в день воскресения; и между добрыми, есть люди, совершающие злые дела, за которые они здесь и отдадут отчет, равно как и между злыми есть люди, совершающие добрые дела, за которые они здесь и получают воздаяние, чтобы потерпеть наказание там; дела Божии по большей части непостижимы; великое различие между нами и Богом, а какое именно, того сказать невозможно. Если мы будем рассуждать таким образом, то ничто не смутит нас; если будем постоянно слушать Писания, то найдем много тому примеров. «Которые могут, – говорит, – умудрить тебя во спасение». В Писаниях излагается, что должно делать, и чего не должно; послушай именно, что говорит блаженный апостол в другом месте: «ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев» ([Рим. 2:19, 20](#)).

Видишь ли, что закон есть свет для находящихся во тьме? Если же свет – тот закон, который представляет букву, убивающую букву, то каков тот, в котором – дух животворящий? Если ветхий завет есть свет, то каков новый, в котором открыто столь многое, который так отличен от ветхого, как если бы кто людям, не видевшим ничего выше земли, открыл небо и все в нем показал им. Из него мы узнали о геенне, о царствии (небесном), о суде. Не будем же верить нелепостям, каковы все предсказания волшебников. Но как же, скажешь, что они говорят, то и сбывается? Потому и сбывается, что ты веришь, если только сбывается. Волшебник

овладевает тобою, делается господином твоей жизни и располагает ею, как хочет. Скажи мне: если какой-нибудь предводитель разбойников возьмет в свои руки и под свою власть царского сына, прибежавшего к нему и полюбившего пустыню и тамошнюю жизнь, то может ли этот начальник сказать ему, умрет ли он, или будет жив? Весьма может. Почему? Не потому, чтобы он предвидел будущее, но потому, что в его власти то и другое – погубить и спасти сына, который сделал его своим господином. Он может и погубить, если захочет, может также и отпустить, если захочет, потому что пленник находится в его власти. Если он скажет: ты будешь богат или беден, – то и другое находится в его власти. Так и в мире большая часть людей предали себя в руки дьявола.

5. С другой стороны этим обманщикам много помогает то, когда человек привыкнет верить им, потому что никто не обращает внимания на предсказания неудачные, а только на удачные. Если они имеют какую-нибудь силу предвидения, то приведи их ко мне, верующему. Говорю это не с тем, чтобы превозносить себя: не стоит превозноситься тем, что я не верю им. Я многогрешен; но пред ними не стану смиряться и, по благодати Божией, смеюсь над всеми ими. Приведи ко мне волшебника; если он имеет какую-нибудь силу предведения, то пусть скажет, что случится со мною, что будет со мною завтра. Но он не скажет, потому что я нахожусь под властью царя, а волшебник не имеет надо мною никакой власти и силы; я далек от его сетей и оврагов; я служу царю. Но, скажешь, такой-то украл, а один волшебник указал его. Это не всегда бывает справедливо, а по большей части смешно и ложно. Они ничего не знают; а если бы что-нибудь знали, то лучше им следовало бы говорить о своем, каким образом многие идольские приношения были украдены, каким образом множество золота было утрачено. Почему они не предсказали этого жрецам своим? Следовательно, они не знают ничего; они и за деньги не могли предсказать, когда сгорали их идольские храмы, и многие из них вместе с тем сами погибали. Почему же они не заботятся о собственном спасении? Если они и предсказывали что-нибудь, то это было только делом случая. Наши же пророки не ошибаются; они не говорят одно справедливо, а другое ложно, но все справедливо; это и есть предведение. Перестаньте же, увещаю вас, безумствовать, если вы веруете во Христа; если же не веруете, то для чего позорите себя, для чего обманываете? «Долго ли вам хромать на оба колена» ([3 Цар.18:21](#))? И для чего ты ходишь к волшебнику? Для чего спрашиваешь его? Как скоро ты пришел, как скоро стал спрашивать, то уже и сделал себя рабом его, потому что спрашиваешь, как верующий в него. Нет, скажешь, я спрашиваю, не верую,

что он говорит правду, но испытывая его. Но и испытывать, правду ли он говорит, свойственно не уверенному в том, что он лжет, а еще сомневающемуся. Для чего же ты спрашиваешь, что случится? Если бы они говорили: вот что случится, делай то-то и избегай того-то, – тогда, хотя бы также не следовало допускать такого идолослужения, но было бы не столь безумно. Если же они берутся предсказывать будущее, то слушающий не приобретает ничего, кроме лишней скорби; предсказание не сбывается, а он уже испытал скорбь, уже измучил себя. Если бы полезно было знать будущее, то Бог не скрыл бы этого от нас, как бы по зависти; Тот не завидует, кто сказал нам, что есть на небесах. «Сказал, – говорит Он, – вам все, что слышал от Отца Моего»; и еще: «Я уже не называю вас рабами, но друзьями: Вы друзья Мои» ([Ин.15:14, 15](#)). Почему же Он не открыл нам будущего? Потому, что Он хочет, чтобы мы несколько не заботились об этом. Он не по зависти поступил так; древним Он делал предвещения, напр., об осле и некоторых других предметах ([1 Цар.9](#)), потому что они были подобны детям; а нас Он избавил от заботы – предугадывать неизвестное, желая, чтобы мы несколько о том не заботились. Вместо того нам что открыто? То, чего древние не знали. Все, открытое им, маловажно; а мы знаем, что мы воскреснем, будем бессмертны и нетленны, что жизнь наша не будет иметь конца, что все (настоящее) пройдет, что мы «будем восхищены на облаках» ([1 Сол.4:17](#)), что злые получают наказание, и, кроме того, многое другое, – и все это не ложно. Знать такие истины не гораздо ли лучше, нежели то, что осел потерявшийся найдется? Положим, что ты нашел и взял осла: какая же от того польза? Не можешь ли ты потерять его опять каким-нибудь другим образом? Если он не уйдет от тебя, то ты сам при смерти оставишь его. А то, что сказал я, мы можем иметь всегда, если захотим иметь. Будем же стремиться к этому; будем искать благ постоянных и неизменных; не станем слушать волшебников, прорицателей и гадателей, но Бога, Который ясно знает все, имеет ведение обо всем; тогда и мы будем знать все, что нужно знать, и сподобимся всех благ.

Беседа 9

[2Тим.3:16, 17](#). Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен.

Труды и подвиги ап. Павла.

1. Предложив (Тимофею) много увещаний и утешений всякого рода, (Павел) присовокупляет еще совершеннейшее утешение – от Писаний; и не без причины предлагает он так много утешений, но потому, что намеревался сказать нечто важное и прискорбное. Если Елисей, находившийся при своем учителе до последней минуты его жизни, увидев, что он особенным образом оканчивает свою земную жизнь, разодрал свои одежды, то что должен был чувствовать (Тимофей), столько любимый и столько любивший, услышав, что учитель его готовится умереть, и видя себя лишенным его лицезрения во время, ближайшее к его смерти, что обыкновенно бывает прискорбно больше всего? Мы ведь не так бываем благодарны за прошедшее время, если были в разлуке с умершими во время ближайшее к их смерти. Вот почему (Павел) сначала предлагает (Тимофею) множество утешений, а потом уже и говорит ему о своей предстоящей кончине, и говорит не просто, но употребляет такие выражения, которые способны утешить и исполнить радости, – представляя это событие более жертвоприношением, нежели смертью, более переселением, чем оно действительно и было, и переходом к лучшему. «Ибо я уже, – говорит, – становлюсь жертвою» ([2 Тим.4:6](#)). Потому и здесь он пишет: «Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления». «Все», – какое? То, о котором, говорит, я сказал, – всякое Священное Писание. Здесь разумеется то Писание, о котором было говорено выше, о котором он сказал: «ты из детства знаешь священные писания». Итак, всякое Священное Писание богодухновенно. Поэтому нисколько, говорит, не сомневайся в нем. «И полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен». «Для научения», если нужно узнать что-нибудь, если случится недоумевать в чем-нибудь, о том можем узнать отсюда; если нужно обличить ложь, если нужно исправиться или вразумиться, и это можем почерпнуть отсюда; оно способствует и к увещанию, и к утешению. «Для исправления», – т. е.,

если недостает чего-нибудь и нужно дополнить что-нибудь. «Да будет совершен Божий человек»: для того, говорит, дано наставление Писаний, чтобы совершен был человек Божий; следовательно, без них невозможно быть совершенным. Вместо меня, говорит, ты имеешь Писания; когда пожелаешь узнать что-нибудь, то можешь узнать отсюда. Если же так сказано Тимофею, который был исполнен Духа (Святого), то не тем ли более нам? «Ко всякому доброму делу приготовлен» не прости принимающейся за дело, но и тщательно приготовленный. «Итак заклинаю тебя пред Богом и Господом нашим Иисусом Христом, Который будет судить живых и мертвых» (2Тим.4:1). Здесь он понимает или грешников и праведников, или умерших и еще живущих, так как многие останутся в живых (до последнего суда). И в первом послании он внушал Тимофею страх словами: «Пред Богом, все животворящим, завещаю тебе» (1Тим.6:13); здесь же говорит нечто более страшное: «Который будет судить живых и мертвых» т. е. имеющим потребовать отчет. «В явление Его и Царствие Его» – когда? Во время пришествия Его со славою, с царским величием. Таким образом, он говорит или то, что Господь не так придет, как ныне, или следующее: я свидетельствую тебе явление Его и царствие. Он призывает Его во свидетели, показывая, что и это преподано ему. Далее учит, как должно проповедовать учение. «Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием» (2Тим.4:2). Что значит: «во время и не во время»? Т. е. не назначай определенного времени, пусть будет тебе всегда время для этого, а не только во время мира, спокойствия или сидения в церкви; хотя бы ты был в опасности, хотя бы в темнице, хотя бы в узах, хотя бы готовился идти на смерть, – и в это время обличай и не переставай вразумлять. Тогда и благовременно делать обличение, когда оно может иметь успех, когда представится дело (достойное обличения). «Увещевай», – говорит; подобно врачам, указав рану, сделав разрез, он прилагает потом и лекарство. Если что-нибудь из всего этого опущено, то прочее бывает бесполезно. Если ты будешь угрожать без обличения, то покажешься дерзким, и никто не станет слушать; если же наперед обличишь, тогда слушатель примет угрозу, а без того он останется бесстыдным. С другой стороны, если ты станешь обличать и угрожать, хотя и с силою, но не предложишь утешения, то опять испортишь все дело. Действительно, обличение само по себе невыносимо, если оно не растворено утешением. Как при разрезе раны, хотя и спасительном, страждущие не выносят более сечения и разреза, если не будет употреблено многих средств, смягчающих боль, так и здесь. «Со всяким, – говорит, долготерпением и назиданием».

Обличающий должен иметь долготерпение, чтобы слушающий не верил без основания, и угроза должна быть соединена с утешением, чтобы она была принята. А что значит прибавленное к долготерпению слово: «и назиданием»? Обличай не с гневом, не с ненавистью, не с злобою, не с враждою, как бы против врага, – все это должно быть оставлено, – а как? С любовью, с состраданием, скорбя больше самого обличаемого, душевно сожалея об его положении. «Со всяким, – говорит, – долготерпением и назиданием», а не как-нибудь. Будет время, когда «люди здравого учения принимать не будут». Прежде, нежели они сделаются непокорными, предупреди всех их. Потому он и сказал: и «во время и не во время», во всем поступай так, чтобы слушающие тебя поучались добровольно. «Но по своим, – говорит, – прихотям будут избирать себе учителей».

2. Не может быть ничего выразительнее этого слова: «избирать» оно означает беспорядочную толпу учителей, которые при том будут рукополагаемы учениками. «Будут избирать, – говорит, – себе учителей, которые льстили бы слуху», отыскивая себе людей, которые говорили бы для их удовольствия и льстили их слуху. «И от истины отвратят слух и обратятся к басням» (2Тим.4:4). Предсказывает это не с тем, чтобы ученик его предался унынию, но чтобы он мужественно переносил, когда это случится. Подобным образом и Христос говорил: «будут отдавать вас в судилища и будут бить вас», и в синагоги поведут ради имени Моего (Мф.10:17). Так и в другом месте блаженный (апостол) говорит: «Ибо я знаю, что, по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада» (Деян.20:29). Он говорил это для того, чтобы они бодрствовали, чтобы надлежащим образом пользовались настоящим временем. «Но ты, – говорит, – будь бдителен во всем, переноси скорби» (2Тим.4:5). Видишь ли, что он именно с такую целью предсказывал это? Как Христос при конце (Своей земной жизни) говорил: «восстанут лжехристы и лжепророки», (Мф. 24:24), так и он говорил то же, когда готовился окончить жизнь. «Ты будь бдителен во всем, переноси скорби», т. е. трудись, предупреждай, приведи овец в безопасное состояние прежде, нежели наступила зараза, непрестанно страдай, пока существуют волки. «Совершай дело благовестника, исполняй служение твое». Следовательно, дело благовестника – страдать и от себя, и от посторонних. «Исполняй (слав. – известно сотвори) служение твое» т. е. исполняй. А вот и другой повод к страданию: «Ибо я уже, – говорит, – становлюсь жертвою (σπένδομαι), и время моего отшествия настало» (2Тим.4:6). Не сказал: моего жертвоприношения, но нечто более, потому что от жертвы не все приносится Богу, а от возливаемого – все. «Подвигом добрым я подвизался,

течение совершил, веру сохранил» ([2Тим.4:7](#)). Часто я, взяв в руки послание апостола и рассматривая это место, недоумевал, для чего Павел так превозносит себя: «Подвигом добрым я подвизался». Но теперь, кажется, по благодати Божией, я понял это. Для чего же он говорит так? Он желает утешить скорбящего ученика, заповедуя ему быть бодрым, потому что он отходит к венцу, как совершившие все, как достигши благого конца: радоваться, говорит, должно, а не скорбеть. Почему? «Подвигом добрым я подвизался», говорит подобно отцу, который, утешая сидящего подле него и сетующего о своем сиротстве сына, говорил бы ему: не плачь, сын мой, я жил хорошо, оставляю тебя, достигнув старости, жизнь моя была безукоризненна, я отхожу со славою, и ты будешь славиться моими делами; царь оказывает мне великое благоволение. И как бы так говорит: я воздвиг трофеи, победил врагов, – говорит не из тщеславия, нет, но для ободрения сына, для того, чтобы такими похвалами внушить ему – легко переносить все случающееся, иметь благую надежду, и не считать предстоящей разлуки тяжкою. А тяжела, поистине тяжела бывает разлука. Послушай, как он сам говорит в другом месте: «Мы же, братия, быв разлучены с вами на короткое время лицом, а не сердцем» ([1 Сол.2:17](#)). Если же он сам скорбел, разлучившись с учениками, то как должен был скорбеть Тимофей? Если он плакал, разлучаясь с живым (учителем), как видно из слов: «вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости» ([2 Тим.1:4](#)), то не гораздо ли более – при его смерти? Таким образом (Павел) писал это для утешения (Тимофея), и все послание, исполнено утешения, и есть как бы некоторое завещание. «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил», так что. «Подвигом, – говорит, – добрым». Прими же его на себя и ты. Оковы, темницы, смерть, – это ли добрый подвиг? Да, говорит, – потому что он совершается за Христа, доставляет великие венцы. «Подвигом добрым»; нет ничего лучше этого подвига, не имеет конца этот венец; он не из лавровых листьев; здесь не человек распорядитель подвигов, не люди – зрители, ангелы наполняют это зрелище. Там (на обыкновенных зрелищах) в течение многих дней трудятся и утомляются, но в одну минуту получают венец, и тотчас удовольствие проходит; а здесь не так, но остаются навсегда в блеске, славе и чести. Потому должно радоваться; я иду на покой, оставляю место подвигов; ты слышал от меня, что лучше «разрешиться и быть со Христом» ([Флп.1:23](#)).

«Течение совершил». Надобно и подвизаться и идти вперед: подвизаться, переносить скорби, и идти вперед не просто, но к чему-нибудь полезному. Истинно добрый подвиг тот, который не увеселяет только

зрителя, но доставляет пользу; и течение истинное не то, которое ни к чему не стремится, или только обнаруживает силу и честолюбие, но то, которое влечет всех на небо. Такое течение светлее солнца; его совершал Павел на земле, или им он стремился к небу. Каким же образом он окончил это течение? Он обошел всю вселенную, начав от Галилеи и Аравии, и дошедши до пределов земли: «так что, – говорит он, – благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестности до Иллирика». ([Рим.15:19](#)). Он протек всю вселенную, как птица, или лучше, сильнее птицы; птица пролетела бы просто, а он – не просто, но имея крылья Духа и рассекая тысячи препятствий, смертей, козней, бедствий. Таким образом, он был быстрее птицы. Если бы он был просто птицею, то утомился бы и был бы пойман; но, будучи окрыляем Духом, он перелетал через все сети, как бы имея огненные крылья. «Веру, – говорит, – сохранил». Многие старались отнять ее у него, не только близкие отношения с людьми, но и угрозы, и смертные опасности, и многое другое; но он устоял против всего. Каким образом? Трезвясь и бодрствуя. Всего этого довольно было для утешения учеников, но он прибавляет еще и о наградах. Каких? «А теперь, – говорит, готовится мне венец правды» ([2Тим.4:8](#)). Правдою он опять называет здесь вообще добродетель. Итак, не должно, говорит, скорбеть, потому что я отхожу получить от Христа венец, который Он возложит на мою голову; напротив, если бы я оставался здесь, тогда более следовало бы скорбеть и опасаться, чтобы я не пал и не погиб. «Который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его».

3. Здесь он также ободряет ученика. Если Господь воздаст «всем», то тем более Тимофею. Но он не сказал: и тебе, а: «всем», выражая, что если – «всем», то тем более – ему. А каким образом, скажешь, можно возлюбить явление Христово? Если будешь радоваться пришествию Его. А кто радуется пришествию Его, тот делает достойное этой радости; он отдаст, если нужно, и имение свое и душу, чтобы получить будущие блага, чтобы сподобиться узреть второе пришествие Его, в приличном виде, с дерзновением, во славе и свете. Вот что значит – возлюбить явление Его. Кто любить явление Его, тот будет делать все, чтобы прежде всемирного было к нему частное пришествие (Христово). Как, скажешь, это возможно? Послушай самого Христа, который говорит: «любящий Меня, заповеди Мои соблюдет; и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» ([Ин.14:23](#)). Подумай, как это важно, когда имеющий явиться всем вообще, обещает явиться каждому из нас в частности: «придем, – говорит, – и обитель у него сотворим». Кто любит явление Его, тот будет делать все,

чтобы призвать Его к себе и удержать у себя, чтобы в нем воссиял свет. Пусть не будет в нас ничего, недостойного пришествия Его, и Он скоро поселится в нас. Явление (ἐπιφάνεια) называется так потому, что оно является горе (ἐπὶ ἄνω φαίνεσθαι) и воссиявает свыше. Потому будем стремиться к горнему, и мы скоро привлечем к себе горние лучи. Никто из людей, пресмыкающихся долу и зарывающих себя в землю, не может видеть солнечного света; никто из людей, оскверняющих себя житейскими делами, не может видеть Солнца правды; Оно не является никому, кто предаётся такой жизни. Отрезвись же хотя нисколько, восстань из этой пучины, из пропасти житейской, если хочешь увидеть Солнце, если хочешь сподобиться Его пришествия. Если ты сподобишься пришествия Его ныне, то будешь с великим дерзновением взирать на Него тогда. Будь же любомудрым ныне; пусть не будет у тебя духа гордости, чтобы он не поразил тебя и не низринул; пусть не будет у тебя тьмы и сердца каменного, чтобы не разбился об него корабль твой; пусть не будет в тебе никакого лукавства; подводные камни производят самые страшные кораблекрушения. Не питай в себе диких зверей, – разумею страсти, потому что они лютее диких зверей; не полагайся на вещи скоропреходящие, подобно текучей воде, чтобы тебе стоять твердо. Никто не может стоять на воде, а на камне все могут стоять безопасно. Житейские дела – это вода: «ибо воды, – говорится, – дошли до души [моей]», подобно вышедшему из берегов своих потоку ([Пс.68:2](#)). А Дела духовные – это камень: «поставил, – говорится, – на камне ноги мои» ([Пс.39:3](#)). Житейские дела – грязь и нечистота. Отрешим себя от них, и таким образом мы можем удостоиться явления Христова. Все, что ни постигнет нас, будем переносить. Достаточное утешение во всем – страдать за Христа; будем повторять это божественное изречение, и прекратится боль всякой раны. А как, скажешь, можно страдать за Христа? Положим, что кто-нибудь оклеветал тебя просто, не за Христа. Если ты мужественно перенесешь это, если будешь благодарить, если станешь молиться за него, то все это сделаешь ты для Христа. Если же будешь проклинать, досадовать, стараться мстить, то, хотя это тебе и не удастся, ты будешь терпеть не для Христа, но еще получишь вред и лишишься плодов по своей воле. От нас зависит – получать от бедствий пользу, или вред; это зависит не от свойства самих бедствий, а от нашего произволения. Представлю пример. Иов, испытав столько бедствий, перенес их со благодарностью, и был оправдан, – не потому, что страдал, но потому, что, страдая, переносил все с благодарностью. Другой, испытывая такие же страдания, – или лучше, даже и не такие, потому что

никто не страдает так, как Иов, а гораздо меньше, – гневается, досадует, проклинает весь мир, ропщет на Бога; такой человек осуждается и наказывается не потому, что страдал, но потому, что роптал на Бога; а роптал он на Бога не по необходимому требованию обстоятельств; иначе, если бы он поступал так по необходимому требованию обстоятельств, роптал бы и Иов; если же последний, испытав тягчайшие бедствия, не сделал ничего такого, то значит, все подобное случается не по необходимости, а от слабости воли. Итак, нужно нам иметь душу твердую, и тогда ничто не будет для нас трудным; напротив, для слабой души нет ничего нетрудного. От расположения нашей воли все бывает и переносимо и непереносимо для нас; укрепим ее, и тогда мы легко будем переносить все. Так и дерево, если глубоко пустит свои корни, то его не может поколебать и сильная буря; если же оно будет распростирать их не глубоко, на поверхности, то и слабый порыв ветра вырвет его с корнем. Так и с нами: если мы пригвоздим плоть свою страхом Божиим, то ничто не поколеблет нас; если же оставим ее на свободе, то и слабое нападение может поразить и погубить нас. Потому, увещаваю вас, переносите все с полным благодушием и подражайте пророку, который говорит: «к Тебе прилепилась душа моя» ([Пс.62:9](#)). Вот что говорить он: «прилепилась душа моя» Не сказал просто: предалась, но: «прилепилась». И еще: «Тебя жаждет душа моя» ([Пс.62:2](#)); не сказал просто: пожелала, но: «жаждет», выражая этим словом особенную силу желания. И еще: «Трепещет от страха Твоего плоть моя пригвозди страху Твоему плоти моя» ([Пс.118:120](#)). Он хочет, чтобы мы постоянно так прилеплялись к Богу и соединялись с Ним, чтобы никогда не отступать от Него. Если мы будем так преданы Богу, если пригвоздим к Нему сердца наши, если будем жаждать Его сильным желанием, то получим все, чего желаем и сподобимся будущих благ, во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому со Отцем и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 10

[2Тим.4:9–13](#). Постарайся придти ко мне скоро. Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику, Крискент в Галатию, Тит в Далматию; один Лука со мною. Марка возьми и приведи с собою, ибо он мне нужен для служения. Тихика я послал в Ефес. Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троеде у Карпа, и книги, особенно кожаные.

Почему не все апостолы исцеляли от болезней. – Как можно привлечь благодать Духа. – Богатство Божие.

1. Можно спросить: как (Павел) призывает к себе Тимофея, когда ему была вверена Церковь и целый народ? Не по гордости (апостол) делает это; он сам готов был идти к нему, – послушай, что говорит он: «если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божиим» ([1 Тим.3:15](#)). Но почему? Потому, что он находился в крайности, уже не мог ходить по собственной воле, жил в темнице, будучи заключен туда Нероном, и готовился в скором времени умереть. Потому, чтобы этого не случилось прежде свидания с учеником, он и призывает его к себе, желая видеть его пред своею кончиною и, может быть, многое передать ему. «Постарайся, – говорит, – придти до зимы» ([2Тим.4:9, 21](#)). «Димас оставил меня, возлюбив нынешний век». Не говорит: чтобы видеть тебя прежде отшествия из здешней жизни, что весьма опечалило бы (Тимофея); но: потому что я остаюсь одиноким, не имею никого, кто бы помогал мне. «Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику», т. е., возлюбив покой, жизнь безопасную и спокойную, захотел лучше наслаждаться дома, нежели бедствовать со мною и разделять мои настоящие опасности. Одного только Димаса он укоряет, впрочем, желая не его укорить, а нас утвердить, чтобы мы не ослабевали духом в опасностях и трудах; это и означают слова: «возлюбив нынешний век»; вместе с тем он хотел еще более привязать к себе ученика. «Крискент в Галатию, Тит в Далматию». Их он не укоряет, потому что Тит был один из весьма дивных мужей, так что Павел поручил ему (церковные) дела на острове, при том не малом, но весьма большом – разумею Крит. «Один Лука со мною», – он неотлучно находился при Павле; он написал Евангелие и соборные Деяния, был трудолюбив, любознателен и терпелив. О нем (апостол) говорит в другом послании: «во всех церквах похваляемого за благовествование» ([2 Кор. 8:18](#)). «Марка возьми и

приведи с собою. Для чего? Ибо он мне нужен для служения». Не для собственного успокоения требует этого, но для служения Евангелию, потому что и в узах он не переставал проповедовать. И Тимофея он призывает к себе не для собственных нужд, но для благовествования, чтобы между верующими не произошло никакого смятения по случаю его смерти, чтобы многочисленные ученики его, присутствуя при этом, успокаивали смятения и утешали сетующих об его кончине, а между уверовавшими в Риме, вероятно, были мужи достопочтенные. «Тихика я послал в Ефес. Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные». Фелоном он называет здесь одежду; а некоторые разумеют влагилице, в котором хранились книги. Для чего нужны были книги ему, готовившемуся отойти к Богу? И очень были нужны, чтобы передать их верующим, чтобы они имели их вместо его учения. Все верующие, вероятно, чувствовали тогда великую потерю, особенно те, которые присутствовали при его кончине и наслаждались тогда его лицеизрением. А фелонь требует он для того, чтобы не иметь надобности брать его у другого. Видишь, как много он заботился об этом; и в другом месте он выразил это, когда говорил ефесским (пресвитерам): «сами знаете, что нуждам моим и [нуждам] бывших при мне послужили руки мои сии», и еще: «блаженнее давать, нежели принимать». ([Деян.20:34, 35](#)). «Александр медник много сделал мне зла. Да воздаст ему Господь по делам его» ([2Тим.4:14](#)). Здесь он опять вспоминает об искушении, не с тем, чтобы только укорить или осудить упоминаемого человека, но чтобы воодушевить ученика на подвиги и расположить к мужественному перенесению (искушений). Хотя бы люди, причиняющие искушения, были неважны, хотя бы даже ничтожны и презренны, нужно, говорит, все переносить мужественно. Кто потерпел зло от человека важного, тот находит не мало утешения в высоком положении этого человека; а кто терпит от человека низкого и презренного, тот получает большее огорчение. «Много сделал мне зла», т. е. различным образом оскорблял меня. Но это, говорит, не пройдет ему безнаказанно: «воздаст ему Господь по делам его». Как выше он говорил: «каковые гонения я перенес, и от всех избавил меня Господь» ([2 Тим.3:11](#)), так и здесь утешает ученика двояким образом, – тем, что сам он испытывал оскорбления, и тем, что оскорбившему его будет воздаяние; говорит так не потому, чтобы святые радовались наказаниям (злых людей), но потому, что дело проповеди и слабейшие из верующих имели нужду в таком утешении. «Берегись его и ты, – говорит, – ибо он сильно противился нашим словам» ([2Тим.4:15](#)), т. е. восстает и противоречит. Не сказал: отмсти, накажи,

прогони его, хотя по благодати Божией мог сделать это; ничего такого не говорит, и не вооружает против него ученика своего, а заповедует только удаляться от него, предоставляя наказание Богу. Также и для утешения слабейших он говорит эти слова: «воздаст ему», которые представляют более пророчество, нежели проклятие. А что он желал ободрить ученика приведенными словами, это видно и из последующего. Далее, смотри, как он повествует еще о других своих искушениях. «При первом моем ответе, – говорит, – никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им» ([2Тим.4:16](#)).

2. Видишь, как кротко говорит он о близких к нему, хотя они сделали тяжкий проступок; ведь не одно и то же – быть оставленным посторонними людьми, или своими. Видишь ли, как сильна была скорбь его? Ты, говорит, не можешь сказать, что я, подвергаясь гонению от посторонних, находил утешение, облегчение и помощь в своих, – и они изменили мне: «все меня оставили». Подлинно, это – немалый грех. Если на войне тот, кто оставляет товарища, находящегося в опасности, и избавляет от рук врагов только себя самого, справедливо наказывается своими, как человек, испортивший все дело и изменник, то тем более – в проповеди. Но о каком говорит он первом ответе? Он еще прежде был представляем Нерону, и избежал (казни); но когда обратил его виночерпия, тогда и отсечена ему голова. Далее опять предлагается утешение ученику: но «Господь же предстал мне и укрепил меня» ([2Тим.4:17](#)). Кто оставляется людьми, тому Бог не попускает потерпеть что-нибудь бедственное. «И укрепил меня», т. е. даровал дерзновение, не попустил пасть. «Дабы через меня утвердилось благовестие», т. е. чтобы подтвердилось. Посмотри, как велико его смиренномудрие. Не потому, говорит, Бог укрепил меня, что я был достоин такого дара, но «дабы утвердилось благовестие», которое вверено мне. Это подобно тому, как если бы кто носил багряницу и диадему, и из-за них спасся. «И слышали все язычники». Что это значит? Чтобы всем, говорит, сделались известны и слава проповеди, и попечение о мне Промысла. И избавил меня от уст льва: «И избавит меня Господь от всякого злого дела» ([2Тим.4:18](#)). Видишь, как он близок был к смерти; он был в самых челюстях льва; львом же называет Нерона, по причине его зверства, могущества царства его и непреклонности. И избавил, говорит, Господь меня, и избавит. Если же опять избавит, то как он говорит: «уже становлюсь жертвою»? Но вникни в слова его. «Избавил меня, говорит, от уст льва; и далее: избавит, уже не от уст львовых, – но от чего? – от всякого злого дела». Тогда Он избавил меня от опасностей; а теперь, когда для благовестия уже сделано достаточно, Он

опять избавить меня – от всякого греха, т. е. не попустит мне отойти (из здешней жизни) осужденным. Подлинно, бороться с грехом до крови и не пасть, значит, избавиться от другого льва – дьявола. Последнее избавление его важнее первого, когда ему предстояло быть предану на смерть. «И сохранил для Своего Небесного Царства, Ему слава во веки веков. Аминь» ([2Тим.4:18](#)). Вот истинное спасение – когда мы просияем там. Что значит: «сохранил для Своего Небесного Царства»? Избавит, говорит, меня от всякой вины, и сохранил там. Спасти для царствия небесного значит умереть ради него здесь. «Ненавидящий, – говорит Господь, – душу свою в мире сем сохранил ее в жизнь вечную» ([Иоан.12:25](#)). «Ему слава во веки веков. Аминь». Вот славословие Сыну. «Приветствуй Прискиллу и Акилу и дом Онисифоров» ([2Тим.4:19](#)). Онисифор был у него в Риме, как сам он говорит: «Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день» ([2Тим.1:18](#)). Таким приветствием он делает и домашних его более усердными к подобным подвигам. «Приветствуй, – говорит, – Прискиллу и Акилу». Это – те лица, о которых он часто упоминает, у которых он и жил, которые принимали Аполлоса ([Деян.18](#)). Жену он поставляет прежде, кажется мне, потому, что она была усерднее и более предана вере – она-то и приняла тогда Аполлоса, – или он делает это безразлично. Такое приветствие было для них немалым утешением, служило доказательством почтения и любви его и доставляло им великую благодать, потому что и одно – приветствие такого святого и блаженного мужа могло исполнить великой благодати того, кто удостаивался этого приветствия. «Ераст остался в Коринфе; Трофима же я оставил больного в Милите» ([2Тим.4:20](#)). О нем и Тихике мы знаем из книги Деяний, что он взял их с собою из Иудеи, и что они всегда находились при нем, может быть, потому, что были усерднее прочих.

«Трофима же, – говорит, – я оставил больного в Милите». Почему же ты не исцелил его, а так оставил? Апостолы не все могли делать, или благодатью не все устрояли, чтобы кто не подумал о них больше, нежели что видел. То же, как мы видим, случалось и с бывшими прежде них блаженными и праведными мужами, например с Моисеем. Он был косноязычен, – почему же Бог не исцелил его косноязычности? – часто впадал в скорбь и уныние, и не вошел в землю обетованную.

3. Многое попускал Бог для того, чтобы показать немощь человеческой природы. В самом деле, если и при этом бесчувственные Иудеи говорили: где Моисей, «который вывел нас из земли Египетской» ([Исх.32:1](#))? – то чего они не сделали бы, если бы он еще ввел их в землю обетованную? Если бы Бог не попустил ему чувствовать страх пред

фараоном, то не признали ли бы они его богом? То же самое сделали, как известно, с Павлом и Варнавою жители Листры, которые приняли их за богов; а они «разодрали свои одежды и, бросившись в народ, громогласно говорили: мужи! что вы это делаете? И мы – подобные вам человеки» ([Деян.14:14, 15](#)). Также и Петр, когда исцелил хромого от рождения и когда все изумлялись случившемуся, отвечал: «мужи Израильские! что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит» ([Деян.3:12](#))? Послушай еще, что говорит блаженный Павел: «дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился» ([2 Кор.12:7](#)). Но, заметишь, он сказал это по смиренномудрию. Нет, это не так; не для того дан был ему «ангел сатаны», чтобы он был смиренномудр, и не по смиренномудрию только он сказал это, но и по другим причинам. Смотри, Бог в ответ ему не говорит: «довольно для тебя благодати Моей, чтобы ты не превозносился, – но что? – ибо сила моя, говорит, совершается в немощи» ([2 Кор.12:9](#)). Таким образом, достигались две цели: и раскрывались события, и все было приписываемо Богу. Поэтому и в другом месте (апостол) говорит: «сокровище сие мы носим в глиняных сосудах» ([2 Кор.4:7](#)), т. е. в телах немощных и подверженных страданиям. Для чего? «Чтобы преизбыточная сила была [приписываема] Богу, а не нам». Если бы тела их не были подвержены страданиям, то все было бы приписано им. И в другом месте, мы видим, как он скорбит о болезни, когда говорит об Епафродите: «Ибо он был болен при смерти; но Бог помиловал его» ([Флп.2:27](#)); и многого другого он не знал, с пользою, как для него самого, так и для учеников. «Трофима же, – говорит, – я оставил больного в Милите», Милит находится близ Ефеса; следовательно, (это было) или тогда, когда он отплывал в Иудею, или в другое время; а после того, как он был в Риме, он отправился в Испанию; а возвращался ли оттуда опять в эти страны, мы не знаем. Итак, он был, как мы видим, оставлен всеми. «Ибо Димас, – говорит он, – оставил меня, Крискент в Галатию, Тит в Далматию; Ераст остался в Коринфе; Трофима же я оставил больного в Милите. Постарайся придти до зимы. Приветствуют тебя Еввул, и Пуд, и Лин, и Клавдия» ([2Тим.4:21](#)). Об этом Лине некоторые говорят, что он был вторым после Петра епископом римской Церкви. «И Лин, – говорит, – и Клавдия». Видишь ли, как и жены были усердны и пламенны в вере? Такова Прискилла, такова и эта Клавдия, которые уже распяли себя (для мира), уже были готовы на подвиги. Но почему из такого множества верующих (апостол) упоминает только об этих женах? Очевидно потому, что они душою уже отрешились от житейских дел и особенно славились. Ведь женский пол не

препятствует (быть добродетельным). Подлинно – дело благодати Божией, что лица этого пола устраниются только от участия в делах житейских, или лучше сказать, не устраниются и там. В самом деле, и жене досталась немаловажная часть всего вообще управления делами, именно -домашняя; а без нее и гражданские дела никогда не могли бы состояться. Если бы домашние дела находились в расстройстве и беспорядке, то каждый из граждан должен был бы сидеть дома, и дела гражданские находились бы в худом положении. Таким образом, и в этих делах она участвует не менее (мужа), и в духовных. И она может тысячекратно умирать (за Христа), если захочет, – многие из них и действительно сделались мученицами, – может преуспевать в целомудрии, и даже более мужей, потому что в ней не так сильно действует пламень (страстей), – может иметь и скромность, и честность, и святость, без которой «никто не увидит Господа» ([Евр.12:14](#)), и презрение к богатству, если только захочет, и вообще все прочее. «Постарайся, – говорит, – придти до зимы». Как понуждает его! И нигде не высказывает ничего прискорбного; не говорит: придти прежде моей смерти, – чтобы не опечалить его, – но: «прежде зимы», чтобы тебе не встретить затруднений. «Приветствуют тебя, – говорит, –Еввул, и Пуд, и Лин, и Клавдия, и все братия». Последних не называет по имени. Видишь ли, что те были пламеннее (в вере)? «Господь Иисус Христос со духом твоим» ([2Тим.4:22](#)). Нет ничего лучше такого благожелания. Не скорби, говорит, что я нахожусь далеко от тебя: Господь с тобою. И не сказал: с тобою, но: «со духом твоим». Сугубая помощь: от благодати Духа и от Бога, споспешествующего ей. Иначе Бог и не может быть с нами, если нет в нас благодати духовной; если она оставит нас, то как Он будет с нами? «Благодать с нами. Аминь». Наконец спрашивает и себе (благодати), – т. е., чтобы всегда быть благоугодными Богу, чтобы иметь благодать с дарами ее, потому что если она будет присуща нам, то не будет ничего прискорбного. Как видящий царя, и пользующейся его благоволением, не чувствует никакой скорби, так и мы, хотя бы лишились друзей, хотя бы подверглись какому-нибудь другому бедствию, не будем чувствовать никакой скорби, если благодать будет находиться при нас и ограждать нас.

4. Как же можно привлечь к себе благодать? Делая угодное Богу, во всем повинуюсь Ему. И в больших домах не видим ли мы, что те слуги пользуются благоволением господ, которые от всей души и со всем усердием пекутся о нуждах не своих, а господских, которые не по принуждению только господ, но по собственному усердию и ревности исполняют все хорошо? И не тогда ли, когда они постоянно находятся пред глазами господ, когда занимаются дома, когда не беспокоятся о своих

делах и не пекутся о своих выгодах, но считают господское своим? Так, кто сделал свое господским, тот не свое сделал господским, но господское своим; он подобно господину распоряжается его собственностью, подобно ему пользуется властью; многие из других слуг боятся его больше господина; что скажет он, то и господин; и все враги страшатся его. Если же в житейских делах, кто презирает свое и заботится о господском, не лишается своего, а напротив получает большее, то тем более в духовных. Презирай свое, и получишь Божие; сам Он желает этого. Презирай землю, и получишь царство небесное; там пребывай, а не здесь; оттуда внушай страх, а не здесь. Если ты будешь внушать страх оттуда, то будешь страшен не людям только, но и бесам, и самому диаволу; если же будешь внушать страх здесь своим богатством, то будешь презираем не только ими, но часто и людьми. Чем больше ты будешь богатеть, тем больше будешь рабствовать; если же будешь презирать свойственное рабам, то сделаешься славным в доме царском. Таковы были апостолы, презревшие жилище рабов и здешнее богатство; и смотри, как они распоряжались (сокровищами) Владычными. Такой-то, говорили они, пусть исцелится от болезни, другой – от злых духов, тот пусть будет связан, этот – разрешен. На земле происходило это, но совершалось как бы на небе. «Что вы, – сказал (им Господь), – свяжете на земле, то будет связано на небе» ([Мф. 18:18](#)): и еще большую власть даровал им. А что я говорю правду, о том, послушай, что Он сам сказал: «верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» ([Ин.14:12](#)). Почему? Потому, что в этом случае честь относится к Владыке. Так и в наших делах, когда слуга может совершать великие дела, то еще более удивляются его господину, потому что, если слуга может сделать так много, то во сколько раз больше тот, кто имеет его в своей власти? Если же кто, оставив служение господину, будет заботиться только о своей жене, о сыне, о слуге, и захочет обогащаться и собирать для них, воруя из сокровищ господина, или причиняя им вред, тот скоро погубит и себя вместе с богатством. Потому, увещаваю вас, видя такие примеры, не будем пещись о своих благах, чтобы пещись о себе; будем презирать их, чтобы получить их. Если мы станем презирать их, то сам Бог будет пещись об них; если же мы станем пещись о них, то Бог презрит их. Будем заботиться о Божием, а не о нашем, или лучше – и нашем, так как, что – Его, то – и наше. Говорю, не о небе, не о земле, не о мирских вещах; это недостойно Его, это не нам только принадлежит, но и неверным. Что же я называю Его собственностью? Славу, царство; это и Его, и вместе наше чрез Него. Каким образом? «Если, – говорит (апостол), – мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим,

то с Ним и царствовать будем» ([2 Тим.2:11, 12](#)). Мы стали сонаследниками и называемся братьями Его: для чего же мы преклоняем сами себя долу, тогда как Он влечет нас к Себе горе? Доколе мы будем так унижать себя, доколе будем так жалки? Пред нами небо, а мы пресмыкаемся по земле; пред нами небесное царство, а мы избираем себе здешнее убожество; пред нами вечная жизнь, а мы истощаем себя на деревья, камни и поля! Обогащайся, – и я того желаю, – но только в этом; собирай, приобретай, – здесь это не укоризненно; напротив, здесь укоризненно – не собирать, здесь неодобрительно – не приобретать. Как так? «Царство Небесное, – говорит (Господь), – силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» ([Мф. 11:12](#)). Будь здесь сильным искателем, будь здесь хищником; расхищаемое здесь не уменьшается. Добродетель не разделяется, благочестие не уменьшается, равно как и царство небесное. Напротив добродетель умножается, когда ты расхищаешь ее; блага же вещественные уменьшаются, когда расхищаешь их. Это видно из следующего: пусть будет в городе бесчисленное множество людей; если все они будут расхищать добродетель и праведность, то умножат ее, потому что она будет в тысячах праведников; а если не будут расхищать, то уменьшат ее, потому что нигде ее не будет видно.

5. Видишь ли, как блага духовные еще более умножаются, когда расхищают их, а земные уменьшаются, когда расхищают их? Не будем же привязаны к этой бедности, но изберем это богатство. Богатство Божие состоит в том, когда многие наслаждаются царством Его. «Богатый, – говорит (апостол), – для всех и на всех, призывающих Его» ([Рим.10:12](#)). Умножай же богатство Его; а умножишь его тогда, когда будешь расхищать, приобретать и усиленно искать. Поистине, здесь нужно усиленное искание. Почему? Потому, что здесь встречается много препятствие: жены, дети, заботы, мирские дела, кроме того, бесы, и сам начальник бесов – диавол. Потому нужно усилие, нужно терпение. Кто усиливается, тот трудится. Как? Он терпит все, он борется с необходимостью. Как? Он решается почти на невозможное. Если же так поступают сильные искатели, а мы не принимаемся даже за возможное, то когда мы достигнем, когда получим желаемое? «Употребляющие усилие, – сказал (Господь), – восхищают» царствие небесное. Нужно усиливаться и восхищать его; оно не просто дается, и не вдруг. Кто хочет похитить что-нибудь, тот постоянно бодрствует, трезвится, заботится и беспокоится, чтобы благовременно приступить к похищению. Не видите ли, как на войне, кто хочет похитить, тот целую ночь не спит, во всю ночь не снимает с себя оружия. Если же те, которые хотят похитить житейские

вещи, не спать во всю ночь и остаются вооруженными, то как же мы, желая приобрести блага, достойные гораздо большего попечения, блага духовные, беспечно спим даже днем, и остаемся всегда обнаженными и безоружными? Подлинно, кто живет во грехах, тот безоружен и наг; напротив, кто живет по правде, тот вооружен. А мы не ограждаем себя милостью, не готовим себе горящих светильников, не облакаемся в духовное оружие, не изучаем пути, ведущего на небо, не трезвимся, не бодрствуем; потому и похитить ничего не можем. Кто хочет взять царство, тот не предполагает ли себе наперед бесчисленное множество смертных опасностей? Не вооружает ли себя, не изучает ли военное искусство, не принимает ли к тому все меры, и не стремится ли таким образом к цели? А мы поступаем не так, но хотим похитить (царство небесное), предаваясь сну; потому и отходим с пустыми руками. Не видишь ли, как похищающее что-нибудь бегут, как спешат, как ниспровергают все препятствия? Нужно скоро бежать. Иначе тебя настигнет диавол, и находящимся впереди прикажет задержать тебя. Но если ты будешь силен, если будешь бодр, то одного оттолкнешь ногою, другого отстранишь рукою, и уйдешь от всех, как птица. Когда же отойдешь отсюда, когда перейдешь торжище, исполненное великого шума, какова настоящая жизнь, то достигнешь того, что выше всего этого, какова будущая жизнь. Там, как в пустыне нет шума, нет никого, кто бы тревожил, кто бы задерживал. Ты приобрел что-нибудь доброе? После приобретения тебе нужно небольшое усилие, чтобы не лишиться приобретенного. Если мы будем бежать, если не будем взирать ни на что, находящееся пред нашими глазами, если не станем заботиться ни о чем другом, а только как бы избегнуть задерживающего нас, то будем в состоянии безопасно удержать у себя приобретенное. Ты приобрел целомудрие? Не стой же, беги, удаляйся от диавола; если он увидит, что не может настигнуть тебя, то не будет и гнаться. Так и мы, когда похитивших теряем из виду, то, не надеясь ничего более, и сами не преследуем их, и других не просим задержать их, но оставляем их бежать от нас. Подобным образом и ты беги скорее с самого начала. Когда ты будешь далеко от диавола, то он уже не станет преследовать тебя, и ты будешь в безопасности, безбоязненно наслаждаясь неизреченными благами, которых да сподобимся все мы, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Примечания

1

Беседы эти произнесены святителем, вероятно, в Антиохии около 397 года.

2

Нужно: [Числ. 16:5](#).

Вместо слов: „здесь Павел... речи», в одном рукописном кодексе читается: «Действительно, вследствие милосердия Божия, его долготерпения к беспечным, и предоставления им времени для покаяния и отрезвления, если бы они захотели, многие получили пользу и обратились, а равно и других привели ко спасению своим примером. Павел же предложил здесь и нечто новое, говоря так: «в большом доме» и т. д.